

МИРЫ А. ВАЛЕНТИНОВА

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

ДАЙМОН

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

ЭКСМО

Андрей Валентинов
Даймон
Серия «Ноосфера», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141415

Аннотация

Африканская саванна времен Ливингстона и современная Украина накануне очередных выборов – разные века, разные континенты. Отважный путешественник-шотландец ищет загадочную страну Керит, молодой студент собирается бросить свою первую в жизни бомбу. Но есть то, что их связывает, – незримое присутствие Даймона, еще не бога, но уже не человека. Всего лишь шаг остался до выхода Человечества в мир Ноосферы, объединяющей и соединяющей всех живших и живущих на Земле. Но уже ясно, что вслед за Колумбами к новым землям готовы пристать Кортесы. Войны начинают в воскресенье, в четыре утра...

Новый роман Андрея Валентинова примыкает к циклу, образованному вышедшими ранее его книгами «Сфера» и «Омега».

Содержание

ИЗ ПРИВАТНОЙ ПЕРЕПИСКИ-1.	7
CD-ДИСК 1. «ТОСКА ПО РОДИНЕ».	12
Дорожка 2. Вика Врядий «Украина рок-н-рол». (3`52).	17
Дорожка 3. «Take No Prisoner (Cannibalistic)».	23
Дорожка 4. «Принимай нас, Суоми-красавица». (Ансамбль Ленинградского военного округа, солист Георгий Виноградов). (2`30).	29
Дорожка 5. «NjetMolotoff». Музыка Матти Юрва, слова Тату Пеккаринен, вокал Матти Юрва. (2`34).	35
Дорожка 6. «Белая армия, черный барон». Исполняет ансамбль под управлением А. Александрова (запись 1938 г.). (2`3).	41
Дорожка 7. «Печальные вербы». Песня польской Армии Крайовой. (2`34).	47
Дорожка 8. «Если завтра война». Слова В. Лебедева-Кумача музыка братьев Покрасс. Исполняет ансамбль под управлением А. Александрова. (3`40).	53
Дорожка 9. «Персидский марш.» (И.Штраус). (2`11).	59
ИЗ ПРИВАТНОЙ ПЕРЕПИСКИ-2.	65

Дорожка 10. «Bella ciao». (3`13).	70
Дорожка 11. «DieMoorsoldaten». Музыка и слова:R.Goguel,J.Esser,W.Langhoff. (3`49).	76
Дорожка 12. «Марш». Исполняет Александр Галич. (3`03).	82
Дорожка 13. «Марш Буденного». Слова Н. Асеева Музыка А. Давиденко. (2`44).	88
Дорожка 14. «Lily Marlen». Музыка Норберта Шульца, слова Ханса Ляйпа. Исполняет Сюзи Солидор. (3`23).	94
Дорожка 15. «Песня про маршала Тито». (2`26). Авторы и исполнители неизвестны.	100
Дорожка 16. «Ой, у лузи червона калина». Исполняет хор имени Верёвки (3`03).	106
Дорожка 17. «Конармейский марш». Музыка братьев Покрасс, слова А. Суркова. Исполняет ансамбль Александрова. (2`18).	112
Дорожка 18. «Ой, у лиси на полянци». Авторы музыки и слов неизвестны. Исполняет группа «Орлы» (3`56).	118
ИЗ ПРИВАТНОЙ ПЕРЕПИСКИ-3	124
CD-ДИСК 2. «X-FILES».	129
Дорожка 2. "Gladno srdce («Hangry Heart»).	135
Эмир Кустурица и «The No Smoking Orchestra». (3`48).	
Дорожка 3. «Профессионал». Эннио Марриконе.	141

(5`06).

Дорожка 4. «Makhnovshina». Предполагаемый автор – Этьен Рода-Жиль. Исполняет неизвестная французская рок-группа. (2`55).	148
Дорожка 5. «RussianDance». Автор и исполнитель – Том Вейтс (Tom Waits). (3`14).	154
Дорожка 6. «Эль Хокро-Танго». Исполняет Салонный оркестр. (2`23).	160
Дорожка 7. «Карл-Маркс-Штадт». Исполняет группа «Мегаполис». (1`58).	166
Дорожка 8. «Як пишов комар до повстанців». Исполняет группа Остапа Стахива. (2`02).	172
Дорожка 9. «Ovo je muski svet» («This Is a Man`s World»)". Эмир Кустурицаи «The No Smoking Orchestra».(6`27).	178
Конец ознакомительного фрагмента.	181

АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

ДАЙМОН

И когда все души избрали себе ту или иную жизнь, они, в порядке жребия, стали подходить к Лахесис. Какого кто избрал себе Даймона, того она с ним и посылает, как стража жизни и исполнителя сделанного выбора.
Платон. Государство, X 620 d – e.

– Ну вот ты и дошел, – сказал Пустотник Даймон, морща свой непропорционально большой лоб. – Ты сам как считаешь: дошел или не дошел?
Генри Лайон Олди. Сумерки мира.

Подумал Алеша, подумал, то и это прикинул – и решил взорвать бомбу. Сразу же легче стало, потому как некая ясность обозначилась. Правда, иные вопросы возникли. Скажем, какой именно объект подвзорвать следует, чтобы не жалко и с пользой. Опять же: откуда бомбу взять? Купить? Извините, где? Самому сделать? В принципе можно, только вот как?

Ну, это не самое главное. Решение принято, цель поставлена. Уже легче.

Взрываем, значит, бомбу.

ИЗ ПРИВАТНОЙ ПЕРЕПИСКИ-1.

Скормите Бориса Моисеева голодным свиньям. И что? Цена на его, извините, «творчество» немедленно вырастет, мерзость же, им пропагандируемая, получит ореол трагизма и даже мученичества. Не лучше ли для начала поработать с его продюсерами? Диверсии на радиостанции, равно как показательные экзекуции в отношении деятелей дегенеративного искусства, все-таки считаю излишними.

Впрочем, по порядку.

Что бы мы с Вами не обсуждали, любая тема с фатальной неизбежностью приводит к одной из наших вечных проблем:

1. Создание Всемирного Правительства.
2. Ход и результаты Великой Антинаучной революции.
3. Борьба с глобализмом, либерализмом и прочими проявлениями, прости господи, всепланетной экспансии известных нам сил.

Настало время внести ясность.

Вопрос о Всемирном Правительстве резервирую для дальнейшего обсуждения. Сейчас он не представляется актуальным. Любая компания из трех человек может устроиться на диване и объявить себя оным Всемирным, провозгласив самую завлекательную программу действий. Скажем, обвешать все деревья на земле китайскими колокольчиками. Подует ветер, а колокольчики – дзинь, дзинь, дзинь! Красота –

и полное душ благорастворение. Осталось лишь завершить установление контроля над территорией (начиная с дивана) и приступить к полной колоколизации Земшара.

Как Вы думаете, сколько таких Всемирных Правительств уже существует?

Посему коснусь, уже всерьез, вопроса куда более актуального – о Великой Антинаучной революции.

Столь пугающим, душераздирающим даже термином мы обязаны не ученым, а попам, конкретно – Академии наук Ватикана. Именно на сессии этого почтенного учреждения 15 октября 1998 г прозвучал термин «Антинаучная революция» и были названы ее основные критерии. Сессии предшествовало распространение энциклики Иоанна Павла II. Понтифик писал «Сам Бог заложил в сердце человека желание познать истину и, в конечном итоге, сущность Его, чтобы тот, познавая и любя Его, мог достигнуть понимания истины в самом себе».

Честно говоря, весьма подозрительно, когда Церковь, по определению не заинтересованная в успехах науки (не люблю попов!), начинает о ней заботиться. Однако, «данайский дар» был принят с восторгом, и господа высоколобые охотно подхватили ор об «Антинаучной». Свою лепту вдовицы внесли российские академики. 16 марта 1999 этому вопросу был посвящен специальный пленум РАН, на котором был выработан критерий «антинаучности». Таковым была признана «некомпетентность». Масло масляное...

В чем же беда?

Если обратиться ad fonts, мы получим следующий перечень симптомов:

- Снижения общего темпа научно-технического прогресса.
- Закрытие многих перспективных научных направлений.
- Снижения престижности и оплаты научной работы.
- Упрощение среднего и высшего образования.
- Пропаганда лженаучных представлений и взглядов.
- Игнорирование научного потенциала ряда стран (Россия, Куба, арабский мир) или использование его наукоемкой продукции на кабальных условиях.

Как видим, грешное смешано с праведным. Если же поскрести глубже, обнаружим самое элементарное. Один остроумный человек называл корень бед просто: «Фантомасов на всех не напасешься». Если помните любимый фильм нашего детства, то легко догадаетесь: речь идет все о том же **ФИНАНСИРОВАНИИ** науки. Мсье Фантомас не только злодейски похищал известных ученых, но и (руководствуясь своим злодейскими интересами) неплохо их субсидировал.

К концу XX века поумневшие государственные мужи перестали кидать бюджетные деньги налево и направо, прежде всего на не слишком актуальные для рядового налогоплательщика «фундаментальные исследования». Отсюда и вой господ академиков.

Вместе с тем, каждый разговор о «борьбе с Антинау-

ной революцией» сопровождается обязательными проклятиями в адрес «некомпетентных» конкурентов. В российском варианте в качестве главного жупела использован страшный негодяй Фоменко, но под раздачу попали также уфология и безвинная биолокация.

В США и Великобритании нашлись свои Фоменки для битья, каковыми оказались «ревизионисты», то есть отрицатели Холокоста. Как же иначе! Но наряду с «жидоедами» проклятию были преданы (внимание!) такие направления, как движение DP-watchers («Наблюдающих сны о Прошлом»), работы Джека Саргати, посвященные Q-реальности, и исследования феномена сна, начатые несколько лет назад Джеймсом Грантом.

И снова все элементарно. Кто-то очень умный (уж не наше с Вами Всемирное правительство?) под крики о «защите Науки» рубит под корень наиболее перспективные исследования в сфере информации – то, что и двигает Человечество вперед. А это уже опасно. Рискну напомнить: в 1950-е гг. СССР был мировым лидером в области информатики. Советские ЭВМ того периода, например, БЭСМ-6, много лет оставались лучшими в мире. В 1960-е гг. под руководством академика Виктора Михайловича Глушкова был разработан прообраз современного Интернета – по тогдашней терминологии Единая Система (ЕС). Но развитие соответствующих технологий в СССР было искусственно (якобы по идеологическим соображениям) заторможено – с известным резуль-

татом.

Сейчас речь идет даже не о судьбе страны, а о проблемах более глобальных. Поэтому со всеми известными Вам оговорками я согласен продолжить работу в рамках Проекта.

Это, пожалуй, главное. Третий вопрос – о борьбе с глобализмом – тоже рискну оставить на потом. Могу пока отпартовать, что борьбу веду регулярно и успешно, нанося удары по самому больному месту мировой буржуазии – по кошельку. Конкретно это заключается в скачивании пиратских мр-3-файлов, из коих собираю музыкальную коллекцию. Записал уже пять дисков, которые регулярно кручу, получая двойное удовольствие – эстетическое и политическое. Под славную музыку Прошлого (когда и вода была мокрее, и солнце ярче) лучше думается и работается. Не слушать же наше паршивое радио!

CD-ДИСК 1. «ТОСКА ПО РОДИНЕ».

Дорожка 1. «Тоска по Родине».

Марш (авторы музыки: С. Трофимов, Л. Дунаев). 2`53.

Исполнение самое обычное, впрочем, марш в любом случае хорош. Найти легко, лежит сразу на нескольких сайтах

Суббота, 2 августа 1851 AD. Восход солнца – 7.56, заход – 16.52. Луна –Ифаза, возраст в полдень – 5, 4 дня.

Река Чобе кишит гиппопотамами. Зрелище привычное, но сегодня животных было так много, что мы не рискнули даже спустить лодку. Зима в этом году выдалась теплая, на радость всем тварям Божьим, включая, само собой, бегемотов. Вначале я настаивал (хотелось проплыть несколько миль вниз по течению, где, как рассказывают, находятся некие «загадочные руины»), но Мбомо, немного постояв у воды, возразил настолько решительно, что я смирился. Как выяснилось вскоре, не зря. Уже через час молодой негр-макололо, решивший войти в воду, чтобы достать застрявшую среди коряг сеть, едва не погиб, отделавшись глубокой раной на бедре.

Гиппопотамы по общему мнению – наиболее опасные со-

здания здешних мест, куда опаснее львов и даже носорогов. Особенно свирепы старые особи. Гиппопотамов-самцов часто изгоняют из стада, после чего они становятся истинным бедствием, среди прочего, нападая на каждую встреченную ими лодку. В свое время мы с доктором Ливингстоном наблюдали местную пирогу, вдребезги разбитую ударом задней ноги одного такого бродяги-мизантропа. В случае нападения гиппопотама на лодку выход один – прыгать за борт и нырять на дно, пережидая буйство злобного животного.

Мы с моим Мбомо долго стояли на берегу наблюдая за гиппопотами. Поистине картина для настоящего философа! Невольно вспомнилась виденное мною много лет назад зрелище, хоть и несколько иное, но сходное. Небольшое озеро на востоке Дамарленда было (по случаю изрядно жаркого дня) буквально оккупировано дикими буйволами. Среди зеленой растительности там и сям торчали рогатые головы, навевая, уж не знаю отчего, самые языческие мысли. Взгляд так и блуждал по берегу в поисках капища с рогатой каменной головой у алтаря.

Теперь мне кажется, что именно после Озера Буйволов я решил остаться в Африке. Если рассуждать аллегорически, здешняя земля весьма подобна тому озеру, равно как реке с бегемотами. Неистовое буйство малознакомой жизни, опасное, даже страшное, но необыкновенно привлекательное.

Пользуя тем, что отправление каравана задерживается (Зубейр Рахама третий день ведет таинственные переговоры

со здешним вождем), мы с Мбомой произвели основательную ревизию нашего имущества. К счастью, оно все цело, и, прежде всего, запасы коленкора. Мбомо, не доверяя моим математическим способностями, дважды пересчитал наши тюки, после чего вновь запер двери сарая, привалив их для верности большим бревном.

Именно о коленкоре шла речь в последнюю нашу встречу с доктором Ливингстоном. Мы оба готовились к дальней дороге (я – чуть раньше, он – вслед за мною), поэтому вопрос о том, что именно и сколько из вещей брать с собою, чрезвычайно интересовал обоих. Ливингстон, соглашаясь с тем, что из продуктов следует ограничиться самым необходимым (чай, кофе, сахар), считал возможным все прочее добывать охотой. Он даже продемонстрировал свой грозный арсенал (три старых мушкета, непристрелянный карабин (!) и двуствольное ружье какой-то сомнительной североамериканской фирмы). Насколько я помню, доктор охотился один раз в жизни – и умудрился попасть в буквальный смысл слова в львиные челюсти.

Я тоже не охотник. Мои далекие предки-горцы никогда не убивали ради развлечения (животных, людей – по всякому). Но дело не в личных традициях и привычках. Надеяться на охоту в Африке – все равно, что рассчитывать пройти всю Британию с севера на юг, постреливая куропаток. То есть, теоретически осуществимо, но не более.

Я имел иное мнение, вполне совпадающее с точкой зрения

«истинных джентльменов»: в поездку следует брать только одно — деньги, причем как можно больше. В глубинах Африки самая надежная валюта — отрезы коленкора, ткани, столь недорого ценимой в цивилизованных странах. К нашему счастью, путешествие с караваном мистера Зубейра, при всем его риске, позволило сберечь наше богатство. Оно еще, надеюсь, очень пригодится.

Путешествие по Африке, впрочем, вопрос отдельный и весьма непростой. Озеро Буйволов, тем более реку с гиппопотамами, вброд без боя не перейти, иногда приходится и браться за оружие. Увы, в этом случае арсенал доктора Ливингстона едва ли спасет. Требуется нечто более серьезное.

Я вовсе не считаю негров особо воинственными и жестокими. В этом отношении они ничуть не лучше и не хуже нас, белых. Каннибалов, которыми пугают новичков, ни разу еще не встречал (думаю, в Африке людоедов не больше, чем в Европе), но к войне большинство здешних народов относится очень серьезно. Надежнее всего об этом говорит их язык. Скажем, в неплохо знакомом мне наречии макарака слово «копье» имеет более двадцати соответствий:

Тяжелые копья разных видов: понги, акаталла, ундуга, голо, бодди, нангия, келеполо, бонду, сагбоди (и еще полдюжины).

Специальные копья для охоты на слонов: моне.

Копья с четырьмя зубцами под заостренным наконечником: минанде, амбира.

То же, но с тремя зубцами: анзага.

Et cetera, et cetera.

Впрочем, ни воинственность здешних народов, ни огромные расстояния, ни климат, к которому невозможно привыкнуть, ни даже пугающие всех колдуны – не самое страшное. По крайней мере, для моей скромной персоны.

Увы, лихорадка не оставляющая меня уже вторую неделю, в последнее время заметно усилилась. Чувствую, что идти больше не смогу. Мистер Зубейр обещает предоставить мне носилки, но дело не в способе передвижения. Лихорадка эта, не описанная пока что серьезной медициной, мне хорошо известна. Никто из белых, ею болевших, не прожил более двух месяцев.

Это – факт. Можно считать, вполне научный.

Сегодня я вновь очень внимательно перечитал путевые записи и проглядел нарисованную мною карту. Даже ежели очень постараться, я не успею вернуться к побережью, где есть надежда на нормальное лечение. Остаться тут, на берегах Чобе, среди чужого, малознакомого народа, тоже не имеет смысла. Остается одно – следовать дальше. Настолько далеко, настолько смогу.

Слабость и боли во всем теле – не самое неприятное. Страшнее всего, когда перестаешь верить собственному разуму.

Даймон, о котором я не решался писать в дневнике, вновь здесь, со мною.

Дорожка 2. Вика Вradий «Украина рок-н-рол». (3`52).

Песня достаточно редкая. Вика написала ее перед отъездом в США, нечто вроде прощального поклона стране. «Моя Украина з горя почорнила...»

Думали, ругаться будут – или кликнут невозмутимый патруль, с утра скучавший неподалеку от закрытых дверей телецентра. Не стали – переглянулись и вперед двинули.

Без звука.

Умные сообразили сразу – пятиться начали, а после, вообще, в бега ударились, бросая бесполезные плакаты. Кто посмелее, бежать не стал, но от дверей отошел – подальше, подальше.

Алеша не двинулся с места. Не от избытка смелости, не от ступора даже, просто. То ли из законного любопытства, то ли хотелось по гололеду скользить. Остался, где стоял – и всё, как и был, с самодельным плакатом: «Руки прочь!». Десантники призыву не вняли – сначала забрали плакат, разодрали с треском, растоптали на грязном снегу. А после Алеша сообразил, что на снегу лежит он сам, а его от всей души лупят ногами.

Очень больно!

Что делать, если тебе двадцать лет, у тебя русская фамилия, а живешь ты и учишься в большом украинском городе?

Ясное дело, демократию защищать!

Алеша Лебедев, студент четвертого курса истфака университета, рассуждал именно так. Не то, чтобы его общечеловеческие права как то особо, по изуверски, нарушались (не считая нескольких несправедливых "В" и "С" на экзаменах), но есть еще принципы. А поскольку учился Алеша неплохо, то мог эти принципы не только прочувствовать, но и сформулировать. Скажем, вопрос о русском языке или проблема свободы информации, не говоря уже о правах личности, так сказать, вообще.

Итак, защищать! Времени хватало. Предметы на четвертом курсе оказались не слишком сложными, спецкурсы главным образом, курсовую же он в основном написал еще осенью, только и осталось текст подчистить и выкатать.

Демократию защищать в последнее время стало модно. Как историк, пусть и начинающий, Алеша мог констатировать: изменения произошли года два назад. Прежде, когда поступил в университет, студенты не интересовались политикой напрочь, не слишком даже задумываясь, в какой стране живут. Зачем, собственно? Безобразия в парламенте и очередная отрезанная голова неосторожного журналиста ка-

зались куда менее актуальными по сравнению с предстоящим переходом на письменные экзамены и заменой столь привычных «хор» и «отл» на безликие латинские буквы. И сама студенческая жизнь была прекрасна. *Gaudeamus igitur*, не нами придумано.

Кое-что изменилось перед президентскими выборами. Уже после Алеше приходила в голову странная мысль: вся политика в их обычно спокойном городе проистекала из соперничества двух факультетов университета, филологического и исторического. Филфак защищал украинский, как государственный, и заодно демократию. Истфак был за демократию и два государственных, включая русский. А когда Десант на улицы вышел, еще интереснее стало. Алеша все понять не мог, какой факультет за Десантом прятался, в спину подталкивал. Получалось, либо философский – либо мехмат, больше некому.

Это теория, на практике все разнообразнее выходило. И веселее. Тут вам не дурацкие дискотеки для умственно отсталых – и не менее дурацкие ночные клубы, на которые у Алеши все равно денег не хватало (особенно «Черчилль», где настоящий джаз играют). Демократию защищать было интересно, особенно когда палаточный городок разбили и за справедливые выборы мерзли. И с народом общаться можно, и журналисты рядом крутятся. Суета, а приятно. Опасности же, честно говоря, ни малейшей, меньше, чем на дискотеке.

Справедливые выборы состоялись, и на радостях Алеша

чуть не завалил сессию. Тогда и появились в зачетке глобалистские "В" и "С". Был повод призадуматься: тот, который "С" поставил, как раз с философского.

Десанта поначалу не боялись. Думали, так, «зарница» для умственно отсталых, пыльным мешком ударенных. Контуженные «афганцы» чад своих муштруют, дабы от наркотиков навлечь. «Налево!», «направо!», повязки нарукавные с советскими «крылышками», строевые песни, речёвки для личностей с низким IQ. «Ни ума и ни таланта – становись в ряды Десанта!». Поначалу особо продвинутые, фильмов исторических насмотревшиеся, Десант с отрядами СА сравнивали (и ветераны, и маршируют, и за порядок), чуть ли не в колокола били. Мол, звериная харя фашизма, скалится уже. Только не получалось с фашизмом. Во-первых, именовались десантники не как-нибудь, а «Антифашистским движением Украины», а во-вторых, никаких Ремов и тем более Шикль-губеров среди них не наблюдалось. Ну, маршировали, ну, ездили летом в тренировочные лагеря. Забеги-пробеги, нормы ГТО... Даже после того, как несколько раз лоб в лоб столкнулись, внимания особого не обратили. Бывает! Те, с которыми драться пришлось, не местные, а из Донецка. В Донецке же, всем известно, урла на урле сидит, урлой пого-няет.

Так что было о чем подумать Алеше Лебедеву, защитнику демократии, пока его ногами лупили. Только не думалось особо. Это лишь в боевичках с яркими обложками, герой

вначале старается сгруппироваться, затем умудряется извернуться, вывернуться, подсечкой врагам ответить. На практике всего и получилось, что перепугаться. Не за себя даже – за очки. Минус четыре, один глаз такой, другой этакий, не в каждой «Оптике» стекла закажешь. Разобьют – ходи, словно в тумане по болоту. Из-за очков и белый билет получил. Другие радовались бы, от казармы «откосив», Алеша же обидно стало. И так – ни росту, ни плеч неохватных, ни красы особой, теперь и вовсе неполноценный. Защищай, значит, Родину дистанционно. Таких не берут в космонавты!

В Десант, впрочем, тоже.

А потом даже об очках думать не смог – когда по виску попало.

* * *

– Отставить! Отставить! Совсем спятили?! Приказа не слышали?!

– Так, Хорст... Они же... Они же сами!..

– Сами? Что – сами? Ладно, на базе поговорим. Реально! И о том, что такое приказ, и о том... Нашатырь у кого-нибудь есть?

– Не надо. Очухался, либераст паршивый! Пошли, Хорст, менты уже интересуются.

– Ага. Сейчас его, значит, в больницу отвезут, шум, прес-са, адвокатишки поганые. Этого хотите? Очередной подвиг

Десанта: очкарика отметилили! Кретины...

– Так чего делать-то, Хорст?

– Делать... Женя, твоя машина далеко?

Дорожка 3. «Take No Prisoner (Cannibalistic)».

Песня людоедов, взята с сайта ethnic.ru. Ударные хороши!

Запах бензина Алеше всегда нравился. Настолько, что одна из мимолетных подруг всерьез заподозрила его в токсикомании. Напрасно, конечно. Просто бензин, его резкий октановый дух, сразу же заставлял вспомнить детство. Они жили тогда в Днепропетровске, и покойный дед, железный ветеран-танкист, возил семью к морю на стареньких «Жигулях». Модель была даже не знаменитая «копейка» – «нулевая», пробной итальянской серии. Видом точно, как младшие сестры, только не ломалась. И дед, конечно, старался – за руль еще в войну сел, опыта хватало. Так что и запах был Алеше по душе, и автомобильная тряска ничуть не смущала, напротив. Почти как в давние годы, когда все было хорошо, когда дед был жив, и бабушка жива, и мама не болела...

На этот раз трясло не слишком, и запах бензиновый еле ощутим. К тому же знакомый дух октана был смешан с чем-то иным, резким, непривычным – и очень сладким. Нечто очень восточное и явно не автомобильное. Точнее определить нельзя – глаза Алеша предпочитал из разумной предосторожности пока не открывать. Мало ли?

Главное и так ясно. Сначала побили, после в плен взяли. А теперь везут неведомо куда. Пытать что ли?

От подобной мысли Алексея передернуло. И о таком болтали. Не слишком всерьез, конечно, и не о местном Десанте, а опять-таки о донецком. Там всеми отрядами верховодил Федор Березин, отставной капитан, правда, не десантник, а ракетчик. Это в Донецке, а у них в городе... Недавно в «Слободе» была статья...

Не вспоминалось – слишком голова болела. Ребрам тоже досталось, но дышать было можно, значит, ничего не сломано. Куртка спасла, не иначе. А вот черепушке, защищенной всего лишь старой шапочкой-"подшлемником", досталось круче. Ой, болит! Ай, болит!

И еще кровь из носу. На губы натекло, солоно, противно. Голова не кружится? Нет, вроде. Не сотрясение, и то ладно.

– Эй, либераст, ты как там?

Это уже его. Здоровьем, значит, интересуются. Голос, кажется, того самого, Хорста. Ну и имя, самое подходящее! Или кличка, но все равно подходит.

И как ответить? Может, промолчать?

– Сам ты... «Die Fahne hoch, die Reihen fest geschlossen...»

– Ух, ты!

Сразу в два голоса. Один тот же – Хорста, который Die Fahne Hoch, другой, слева – вроде женский. Да, они поминали какую-то Женю.

Женя... Машина... Восточный благовонный запах... Все понятно.

– Тебе тоже нацистские марши нравятся?

Алеша так удивился, что открыл глаза.

Искомая Женя обнаружилась, как и следовало ожидать, ошуюю. Вначале проявились очки, после... После – ничего, потому как собственные очки нуждались в серьезной протирке.

Зато не потерялись и не разбились. Повезло!

Мысль о том, что не придется блуждать в серой полутьме и тратить остатки денег на новые стекляшки, обрадовала до невероятия, и Алеша не только отреагировал на провокационную реплику («тоже»!), но и ответил со всей серьезностью, без привычной иронии.

– Нравятся. Только наши – больше. Немецкие они... Одинаковые какие-то. Три подряд послушаешь – уже скучно.

– Реально мыслишь, – одобрил голос Хорста Die Fahne Noch. – Мне наши тоже по душе. Правильные!

Самого Хорста разглядеть не удалось. Он был за рулем, впереди, Алеша же вместе с Женей, любительницей нацистского мелоса, на заднем сиденье. Разве что затылок, и то как в тумане. Шея крепкая, стрижка короткая, словно в фильмах про 30-е годы.

– Правильные! – та, которая Женя, презрительно фыркнула. – «Клюнул в ухо жареный петух!»

– А тебе что из нашего больше нравится? Из старого?

Вопрос Хорста предназначался явно не девушке. Поэтому Алеша вновь задумался.

– «Суоми-красавица», – наконец, решил он. – Виноградов поет.

– Молодец! – одобрили из-за руля. – Рубишь!

Защитник демократии чуть было не возгордился, но вовремя вспомнил, что он, как ни крути, в плену. Более того, противник, кажется, начал его «колоть», причем весьма успешно.

...Ой, голова!

Боль, засевшая возле уха (куда жареный петух клюнул) заставила вновь закрыть глаза, на время забыв обо всем: и допросе, и о любви к демократии, и о том, что в сочетании запаха бензина с восточными благовониями что-то есть. Даже когда машина затормозила, Алеша не сразу сообразил, и только почувствовав чью-то руку на плече, попытался встать.

Получилось. И выйти из машины получилось. Только глаза никак не хотели открываться.

– Если что, зайду к соседям. Там все врачи, сообразят. Но, думаю, обойдемся... Так... Нам на второй этаж, дойдешь?

Последняя фраза любительницы нацистских маршей явно предназначалась Алексею.

– Дойду, – выдохнул он.

А что еще скажешь? Бежать – сил нет, на помощь звать стыдно.

– Хорст, отгони машину... Ну, пошли!

Дошел. Даже ботинки сам снять сподобился.

* * *

Очухался Алеша уже в кресле. Не до конца, но глаза раскрыть сумел.

...Цветные гравюры на стене, та, которая слева даже не гравюра – гобелен. Ого! Возле окна стол, компьютер включенный, по экрану картинки плавают...

Сзади, кажется, книжный шкаф. Нет, не шкаф – стенка. Огромная, от двери до подоконника.

Итак, ясности прибавилось. Боль, правда, никуда не делась, даже окрепла, растеклась по всей голове, к шейным позвонкам подобралась.

– Ты что? Ты еще героин уколи!

– Если надо – уколою. Сотрясения нет, кости целы. Сильный ушиб – и шок. Ничего, сейчас...

Все те же: Женя и Хорст Die Fahne Noch. То ли в коридоре, то ли в соседней комнате.

А вот героина не надо! Анальгина попросить, что ли? Помогает!

– Пей! Сразу, не нюхая!

Нет, уже не в соседней. Тут она, Женя, чашку к самому носу протягивает.

Очки Алеша так и не протер, не до того было. Посему кроме очков же, но Жениных, смог разглядеть лишь нос. Са-

мый обычный, маленький, можно даже сказать, носик.

– Это... Чего?

Нюхать, как и велено, не стал, только запах такой за десять шагов почуешь. Вроде эвкалипта, только не эвкалипт. Еще острее, еще резче.

– «BioGinkgo-27», экстракт из коры гинкго двулопастного. Каменное дерево, если совсем просто. Тебе это что-нибудь говорит? И не надо. Пей – и к компьютеру!

Поднес Алеша чашку к губам. Зажмурился.

– К-куда?!

* * *

– А если твой предок пожалует?

– Хорст, я же кажется просила отца так не называть! Сейчас – можно. Поставлю самый обычный диск, релаксационную программу...

– Тебе виднее. Если что, сама с Профессором будешь объясняться. Эй, парень, наушники надел? «Суоми-красавицу» слушать будем. Тебя как зовут-то?

Дорожка 4. «Принимай нас, Суоми-красавица». (Ансамбль Ленинградского военного округа, солист Георгий Виноградов). (2`30).

Эта песня, долгие годы забытая напрочь, ныне стала весьма популярной, по крайней мере в Сети. Есть на многих сайтах – но в единственном варианте, с одной и той же старой пластинки. Необходима работа с файлом, прежде всего, следует слегка «замедлить» исполнение.

Воскресенье, 3 августа 1851 AD. Восход солнца – 7.54, заход – 16.54. Луна – Iфаза, возраст в полдень – 6, 5 дня.

Караван отправится завтра. Во всяком случае, мистер Зубейр Рахама мне это твердо обещал и даже с самым серьезным видом предложил дать клятву – хоть на Коране, хоть на Евангелии. Я не менее серьезно напомнил ему соответствующую заповедь весьма уважаемого всеми мусульманами пророка Исы ибн Марьям.

Надеюсь, мы оба поняли, что шутим.

Мистер Зубейр, мой давний и, рискну предположить, хороший знакомый – человек, мягко говоря, неоднозначный. С точки зрения господствующей ныне в Англии (не в моей Шотландии!) пуританской морали, он – чудовище. Работор-

говец (подчас и разбойник), араб-метис совершенно темного, во всей смыслах, включая цвет кожи, происхождения, да к тому же мусульманин, причем самого предосудительного поведения.

Быть арабом, по мнению англичан, очень некрасиво. Нехорошо. Фи! Шотландцем, впрочем, тоже. Пятую строфу гимна сейчас петь уже перестали – но из текста не вычеркнули. «Боже, покарай шотландца!» Взаимно, джентльмены!

Доктор Ливингстон, скучая в своем африканском Эдеме, вывел теорию, согласно которой в чужих землях национальные различия между европейцами становятся незаметными, все они начинают чувствовать себя «белыми» – в противовес «черным» или «желтым». Обобщать не берусь, но я с большей охотой предпочитаю общаться с работорговцем мистером Зубейром, чем с многими из португальцев – и даже англичан. Зубейр Рахама, потомственный купец и авантюрист, в средние века непременно стал бы великим человеком, истинным Синбадом Мореходом. Он и сейчас значит очень много в этих землях. Рахама силен, смел, в меру честен, в меру циничен, к тому же обладает невероятным оптимизмом. Но главное, пожалуй, то, что мы оба ищем нечто, выходящее за пределы обычных желаний и стремлений. Поэтому с первой же встречи легко нашли общий язык.

Я не идеализирую мистера Зубейра. Он вполне способен выстрелить в спину. Любому, включая, конечно, и меня. Может, уже выстрелил бы – но за моей спиной стоит верный

Мбомо.

Сейчас Рахама, если я правильно понимаю, подталкивает вождей макололо к войне с южными соседями – матебеле. Вождей матебеле он уже уговорил.

По этому поводу в селении уже третий день царит большое оживление. Еще пару лет назад я исписал бы несколько драгоценных страниц, фиксируя особенности здешних обрядов, танцев, песнопений и военной раскраски. Кажется, именно этого ждут будущие читатели, которыми так искушал меня глубокоуважаемый мистер Вильямс, мой постоянный издатель. К счастью, у меня хватило осторожности заранее не подписывать договор. Боюсь, надежды упомянутых читателей на этот раз будут обмануты. Дело не только в моей болезни, мешающей регулярно вести записи. В последнее время я почувствовал, что африканская «экзотика», весь этот «color locale», стали восприниматься мною, как обычная и привычная данность. Люди, как люди, обычаи, как обычаи – столь же дикие и своеобразные, как и традиции европейцев, не говоря уже об обитателях Северо-Американских Штатов.

Впрочем, одна из песен, слышанных вчера вечером, мне чрезвычайно понравилась. Начинается она так:

Когда наш вождь поднялся на высокую гору,

Он просил о силе и мужестве, чтобы победить врага.

Он сказал: выпьем из чаши мужества, чаши, сделанной из вражьего черепа,

Это чаша боли и скорби, чаша борьбы и победы.

Вероятно, образ Чаши-Судьбы известен всем народом мира. Здесьние макололо, само собой, понятия не имеют о Чаше Спасителя в Гефсимании.

Мбомо, сурово блюдуший мои интересы (равно как интересы будущих читателей), требует, дабы я не отвлекался на философские размышления, а занес в дневник нечто более актуальное и понятное. Например, рассказал о здешних дамах. Требование сие отчасти справедливо, посему обещаю коснуться этого важного предмета завтра же.

Пока что мы с Мбомо продолжили разбор и приведения в порядок наших вещей. Самое ценное мое достояние, конечно, инструменты, без коих это путешествие – всего лишь прогулка скучающего провинциального джентльмена. К счастью, все они в целости и сохранности. Прежде всего, это секстант работы знаменитых мастеров Джона Троутона и Майкла Симса с лондонской Флит-стрит. Моя гордость – и предмет черной зависти всех африканских знакомых. Ему в пару, конечно же, хронометр с рычажком для остановки секундной стрелки, сконструированный Дентом из Стренда для Королевского Географического общества. Третьим в этой компании – компас из обсерватории Кэпа.

Термометр, запасной карманный компас, небольшой запас бумаги и две подзорных трубы также полностью готовы к работе. Значит, готов и я. И нечего хандрить!

Вчера я позволил себе запись, достойную разве что юной

девы из пансиона. «Даймон, о котором я не решался писать в дневнике»! Лавры лорда Байрона меня никогда не прельщали, посему выражусь менее поэтично, зато куда точнее. Моя болезнь среди всех прочих неприятных следствий имеет еще одно: расстройство рассудка, пока еще в легкой форме. Скрывать сие нелепо – прежде всего, от себя самого.

Уже несколько дней я сталкиваюсь с тем, что ныне принято называть «слуховыми галлюцинациями». Некто на весьма скверном английском (акцент очень странный, мне незнакомый) пытается завязать разговор. Придя в себя после первой «беседы» я с неизбежностью вспомнил Сократа Афинянина с его «даймоном», не принесшим философу ничего доброго.

И как реагировать? В духов и привидений я не верю, разговаривать же с самим собою, точнее, с собственной болезнью, нелепо и опасно. Однако, естествоиспытатель должен оставаться таковым даже в самой безнадежной ситуации. Посему, поразмыслив, я задал моему Даймону самый естественный для путешествующего по Африке вопрос – об истоках Нила. Любопытно было услышать, как я сам (точнее, некая часть моего больного сознания) сумею выкрутиться.

Ответ, признаться, обескуражил. Привожу его дословно, ибо не удержался и попросил Даймона повторить:

«Исток Белого Нила – река Рукарара, впадающая в реку Кагера».

Вновь не сдержавшись, я поинтересовался точными координатами. Мой Даймон несколько замешкался (sic!), но

все-таки сообщил следующее: $1^{\circ}20'$ и 2° северной широты и $30^{\circ}30' - 31^{\circ}10'$ восточной долготы. Но это не координаты загадочной Рукарары, Даймон их не знает (!), а координаты некоего озера, куда впадает река Кагера. Кроме того, он добавил, что Рукарара считается истоком Нила условно, ибо за такой можно принять любой из притоков Кагеры.

Простите, КЕМ считается?

Мбomo без всяких шуток советует обратиться за разъяснениями к здешнему колдуну.

Вот именно.

Дорожка 5. «NjetMolotoff».

Музыка Матти Юрва, слова Тату Пеккаринен, вокал Матти Юрва. (2`34).

Своеобразный «ответ Чемберлену» по-фински на «Суоми-красавицу», даже время исполнения почти такое же. Запись 1942 года. Матти Юрва музыку, конечно, не писал, а лишь обработал известную песню про ухаря-купца. Получилось очень удачно, особенно по контрасту с советской песней. Веселая ирония – против весьма натужной патетики. В 1942-м финны еще могли смеяться.

– Очки сам протрешь?

Очки?! Алеша, не думая, коснулся металлических дужек. Надо же, и это заметили. Внимательные, однако!

Вопрос решился быстро благодаря подsunутой под руку черной бархотке. Видно стало лучше, понимания, однако, ничуть не прибавилось. Его усадили к компьютеру, по экрану по-прежнему плавают какие-то картинки...

Ага, уже не «какие-то» – фотографии. Знакомый город: улицы, деревья в парке, старые дома в центре, главная площадь. А вот и университет!

За годы учебы Алексей привык – к этим улицам, к домам,

к людям. Не впервой – семья кочевала по стране от Мурманска, в котором довелось родиться, до тихого Чернигова, где сейчас жили отец и мать.

Новый город Алеше пришлось осваивать уже самостоятельно. Освоил. Но все равно чувствовал себя не слишком уютно, особенно в шумном центре. Слишком много людей, и все куда-то бегут, бегут, бегут... А тут еще Десант! Интересно, чего с ним делать собрались? Током пытаться станут – прямо у монитора?

А голова как болит! У-у-у!

– Чего ты ему поставишь? – Хорст Die Fahne Hoch.

– «Pain Control», само собой. А потом «Cable Car Ride». –

Женя, у которой носик.

– Заснет.

– А мы ему Эшера.

На пытку это никак не походило, что, впрочем, не слишком успокаивало. «Pain Control» – в каком смысле? Боль, значит, станут контролировать? Вот спасибо!

Или песня так называется?

– Внимание, Алексей! – снова Хорст. – Сейчас наденешь наушники и станешь слушать музыку. Можешь реально расслабиться – а можешь и не расслабляться, один черт. Чего ждешь? Наушники, давай!

Спорить Алеша не решился. Хорст наклонился над столом (сколько росту у парня? метра два, больше?), диск в дисковод отправил...

И грянуло!

Нет, наоборот совсем. Это Алеше думалось, что грянет – не старым добрым роком, не поганой нынешней попсой, так «Аргонским маршем» – точно. А то и вообще «Вахтой на Рейне». Грянет – молотком по пылающему болю виску. «Es braust ein Ruf wie Donnerhall...» Или «Суоми-красавицей», как и обещано было. Но не грянуло, тихо заиграло. Не марш, не попса, не рок – и не классика. С оркестром, ретро – но точно не наше.

– Чего это? – не удержался.

– «Ad astra» – без особой охоты откликнулась Женя, – Ян Хайз. Не знаешь? И не надо, слушай, не отвлекайся. Там еще много чего будет.

А по монитору – все те же фотографии. Река, мост, костер среди старой травы, желтая листва осенних деревьев. Где это? Кажется...

Красношкольная набережная.

Так это в двух шагах – возле дома и снимали. Странное дело! Ни как ехали, ни куда, Алеша не помнил, а тут все перед глазами встало. Набережная, высокие дома у реки, вдали – громадина Цирка. Не иначе, фотки вспомнить помогли. Красиво снято, с понимание, с любовью даже.

Впрочем, пейзажи, ведуты разные быстро Алеши надоели. «А как же Эшер?» – чуть не поинтересовался вслух. Об Эшере Алексей слышал, как не слышать! Сумасшедшие картинки, ни верха, ни низа, одно в другое перетекает. Пол-

ное отрицание сразу всего: реализма, материализма, объективизма...

Неведомый Ян Хейз сменился чем-то другим, тоже ретро-оркестровым. Алеша без всякой охоты вслушался. Так себе музыка, не впечатляет. Вспомнился слоган, виденный где-то в Сети: «Ностальгическая революция начинается!» И точно. Не марши, так занудство с полным набором духовых.

Самое время повозмущаться и не просто, а по полной программе. Это чего ж получается? Сначала напали на мирный демократический пикет, потом ногами обработали, права человека нарушили в самой извращенной форме, а теперь «ретрой» накачивают. В конце концов, какого!..

Замер Алеша. Губу закусил.

Какого? Такого!

Голова не болела.

* * *

...В тот год они в последний раз втроем поехали на море: мама, папа и он, бывший десятиклассник, будущий первокурсник. Поступление висело на волоске, балл оказался «режущим», но Алешу это совсем не волновало. Не потому, что в армию все равно не возьмут. Тут тоже ясности не было, военкомат греб всех подряд, хромых, слепых, увечных. Но на душе было легко, спокойно и как-то по-особенному радостно. Может, потому, что папа бросил пить и твердо обещал

больше не пытаться, а у мамы не болело сердце. Стоял август, штиль сменялся легкими волнами, на дискотеках крутили чудовищную чушь, чуть ли не «Руки вверх», а в маленькой кафешке «Миндаль», прилепившейся под самой горной вершиной, можно было выпить настоящий мускат.

И – девушки. В тот, далекий, почти забытый август Алеша впервые не без изумления понял, что так мучавшие его стеклышки на глазах не только ничуть не портят, но и напротив, придают даже некий, недоступный прочим шарм. По совету случайной знакомой, имени которой Алеша вспомнить уже не мог, он разорился на новые очки – отчаянно дорогие, с почти что золотыми дужками.

Очки подбирали вместе – а потом долго целовались в парке под большим деревом-лианой с листьями, как у фикуса.

Очки Алеша не снимал. И ничего, не мешали.

Жаль, имени не вспомнить! Ни имени, ни самой девушки. Она, кажется, носила очки, но надевала изредка, когда читала...

Дерево называлось павлония.

Потом... Потом такого уже не было. Отец вновь начал пить, мама трижды в ход ложилась в больницу, постарела, перестала смеяться. Может, поэтому и не вспоминался далекий счастливый август, забылся, ушел... А теперь почему-то перед глазами встал, словно ему, Алеше Лебедеву, вернуться позволили. Как это у Геннадия Шпаликова? «Там, где – боже мой! – будет мама молодая и отец живой.»

Девушку звали Света

...Над неровным шахматным полем, над двумя реками – светлой и темной – неслышно и неотвратно плыли птичьи стаи. Белая – над черной рекой, черная – над белой. Птицы возникали неоткуда, из изгибов клеток-полей, из крыльев иноцветных соперниц. Вот и два города – тоже разные, но чем-то и похожие, словно близнецы. Белые птицы над черными крышами, черные над...

Все верно. Эшер, как и обещано, одна из самых известных работ. Перед этим был дом-загадка, где лестницы ведут вниз и одновременно вверх, до этого – водопад...

Оказывается, он все видел? Когда?!

Удивиться, как следует, по-настоящему, Алексей не успел.

Звонок! В дверь? В дверь.

* * *

– Объясняться будешь сама.

– Не повторяйся, Хорст. Ты очень смелый, я знаю. Лучше пока спрячься... Как там наш?

– Доходит.

Дорожка 6. «Белая армия, черный барон». Исполняет ансамбль под управлением А. Александрова (запись 1938 г.). (2`3).

Файл включен в подборку только из-за качества аранжировки и исполнения. В остальном же – поучительный пример истинной расправы с хорошей песней. Половина куплетов выброшена, припев искажен. К сожалению, запись подлинного варианта («С отрядом флотским товарищ Троцкий...») найти пока не удалось.

Музыку Алеша решил дослушать из принципа. Заодно и картинки досмотреть. Интересно все-таки! Правда, с картинками некая странность случилась. После очередной – два лица, мужской и женское, из ленточек-шкуроч сложенные – экран потемнел, выстрелил полосой оранжевых мерцающих пятнышек. Всего на миг, не иначе сбой какой. И – снова картинка. Черные фигуры, одна возле другой, жутковатые, странные, а присмотришься...

А ведь эти двое, Хорст с Женей, боятся!

Сзади о чем-то говорили – негромко, но очень твердо. Алеша не прислушивался. И так ясно – медведь пришел. Странно только, почему Жениного предка Профессором

кличут? Может, он профессор и есть (книг сколько, ого!), но подобные прозвища только в детском саду бывают. Обзывают так очкариков – и зануд-"вумников". А еще в анекдотах про студентов: «А это уже второй вопрос, профессор!».

Боятся! Наиходили – только как? Программу с картинками без спросу запустили – или...

Снова пятнышки – слева направо, в несколько рядов, переливаются, текут. Оранжевое на черном, красиво!..

И музыки нет. Вроде как метроном, только далеко очень. – Сейчас закончится. Можешь телеграмму послать.

Женя снова рядом – слева, как и в машине. Как подошла, не заметил даже. Покосился Алеша на ту, что с носиком, очки на собственном носу поправил. И телеграмму можно – прямо в Европейский Суд. Зверски избит при защите демократии, подвергнут издевательствам посредством формалиста Эшера...

– Несколько секунд тебя будут слышать. Вслух не надо, про себя говори. Только четко, слова отделяй.

Ничего Алексей не понял – и как понять такое? Кто услышит? Пыль в компьютере? У них что, пыль телепатическая?

С другой стороны... Если тут музычкой лечат, картинками реанимируют...

Ничего не болит! Ничего не болит!

...Почему бы и нет? Всем, всем, всем, демократия в опасности!.. А впрочем, хрен с ней, с демократией, обойдется. И так пострадал за нее, родимую.

Поглядел Алеша, борец за общечеловеческие ценности, на черный экран, ухватил зрачками неверные оранжевые огоньки. Про себя, значит? Слова отделять? Ладно!

– Не – хочу – большие – быть – идиотом! – Хочу – идиотами – командовать!

Проговорил – даже губами не двинув. Поразился. На экран взглянул.

Погас экран. Пусто!

– Пошли – Женя рядом вздохнула. – С папой познакомишься. Только умойся сперва.

Умыться? Так у него же кровь на лице!

* * *

Профессор и вправду профессором оказался, самым настоящим. Даже знакомым. Свой, университетский, хоть и не с родного истфака. Но и у них читает – спецкурс на одной из кафедр, кажется. Имени-отчества Алеша не знал, потому и вспомнить не пытался. Но поздоровался смело:

– Добрый день!

С первого же курса себя приучил. Не «здрасьте!», а именно «добрый день!» – или «вечер», по обстановке. Солиднее как-то.

– Добрый вечер, Алексей!

Значит, уже вечер. В пикет, телевидение родное защищать, с утра вышли Быстро как!

Знакомились очень официально, словно на приеме. Женья, как Алеша из ванны выбрался, лично в комнату провела, представила. Пиджак Профессор уже снял, но и в рубаше с галстуком выглядел очень внушительно. Не потому, что весу много, такого как раз и не наблюдалось. Профессора не только толстые бывают и не только худые. Это больше в кино, где вся интеллигенция вроде клоунов цирковых – мекают, экают, надевают вместо шляпы сковороду, улицу правильно перейти не могут. Нормальные профессора тоже встречаются. Иногда.

...Этот из нормальных. Под пятьдесят, а крепкий, рост хоть и не с Хорста, но его, Алексея, точно повыше. Накачанный, мускулы даже сквозь рубашу видны. Ка-а-ак движет! Разве что бородка интеллигентская, словно у товарища Троцкого, так бороды сейчас в моде.

И очки на носу. Такие, как у дочки. Семейные!
– Мне уже все рассказали. Садитесь, Алексей!

Сел, не стал спорить – прямо в кресло у телевизора, потому как знакомиться в другую комнату привели, побольше. Диван, кресла, на стенах не гравюры, а цветные фотографии.

Аквариум – на столике возле окна. Без воды.

Алексея в кресло усадили, сам профессор в соседнем устроился, а Хорст с Женей как стояли, так и стоять остались, чуть ли не по стойке «смирно». Молчат, не переглядываются даже. Что-то это Алеше напомнило, чуть ли не старую картину «Допрос коммуниста».

Только кто из них коммунист?

Профессор помолчал, пальцы крепкие сцепил, посмотрел в темное окно. И Алеша не удержался – тоже взглянул. Ничего – только ветки голые. Летом, поди, листва весь свет застит!

– Первое... Вам, Алексей, надо обязательно к врачу. Эти... знахари много о себе вообразили. Программа снимает боль, но не лечит. Плацебо – и только. А господа гестаповцы вас здорово отделали!

– Папа! – не выдержала та, что с носиком.

Алеше на миг даже обидно стало. Какими бы Женя и Хорст не были, но все-таки не бросили, помогли. И Десант, сколько его не ругай, не гестапо.

– Что – папа? – профессор дернул щекой. – Вырастил на свою голову! И вы, Игорь, тоже хороши. Поддались на элементарную провокацию! Стыдно!..

Игорь?! От удивления Алеша моргнул, но вовремя сообразил. Кому из них тут Игорем быть? Ясно, кому.

Игорь, он же Хорст Die Fahne Noch, даже отвечать не стал. Голову опустил, сгорбился.

– Второе... Алексей, вы имеете полное право заявить в правоохранительные органы. Иное дело, толку не будет.

Алеша согласно кивнул. Не будет, понятно. Не в том даже вопрос, что без толку. Он почему-то не чувствовал себя обиженным. Напротив! Нелепая, никому не нужная драчка нежданно-негаданно втянула, нет, привела куда-то...

Куда? А сюда!

* * *

— ...Позвонили, сказали, что в телецентр ворваться хотят, как раз перед выпуском новостей. Я парней позвал, сам с Женей подъехал. Только подошли — а они в нас гайкой, прямо Степану Квитко в щеку! Ну, ребята и...

— Ясно, Игорь. Выходит, и вам позвонили, и им тоже. Озаботились! Как это называется, уточнить — или сами знаете?

— Мы гайкой не кидались! Неправда!..

— Гайка всегда прилетит, Алексей. В нужный момент. Вы же историк, должны понимать.

— Папа, нас... Десант постоянно провоцируют. Вчера менты... милиционеры напали на ребят, ни с того, ни с сего напали. Двоих арестовали...

— А вы, само собой, отправились их выручать. Молодые люди, разве вы еще не поняли? В стране готовится переворот, причем стены станут прошибать именно вашими лбами. А вы лбы охотно подставляете. Ладно, об этом потом, если желание появится... Какую именно программу вы ставили Алексею? Надеюсь, не «Gateway Experience»?

Дорожка 7. «Печальные вербы». Песня польской Армии Крайовой. (2`34).

Одна из бесчисленных вариаций «Славянки», очень удачная. Исполнители и время записи неизвестны.

Понедельник, 4 августа 1851 AD. Восход солнца – 7.53, заход – 16.56. Луна – Четверть в 8.08.

Мистер Зубейр не обманул. Мы вступили с рассветом, покинув еще сонное селение макололе. Никто нас не провожал. Вскоре долина Замбези осталась позади. Уже покидая ее, я, мысленно собирая воедино наблюдения последних дней, пришел к несколько неожиданному выводу. Таковым он, впрочем, покажется лишь читателям разного рода «африканских романов». Не секрет, что в этих книжках великий континент предстает неким заброшенным оазисом, отрезанным от цивилизации и неизвестным с ее достижениями.

Между тем, даже беглый взгляд на покинутую нами долину со всей очевидностью свидетельствует об обратном. У Замбези весьма часты рощи финиковых пальм, явно попавших сюда с берегов Аравии. Почти в каждом селении выращивают кукурузу, кое-где табак и сахарный тростник. Немало и европейских товаров, прежде всего тканей. Самих европейцев в этих местах и вправду еще не встречали (вероят-

но, я тут некто вроде Колумба), но вот арабы с восточного побережья наведываются регулярно.

Из благ цивилизации здешние негры давно уже познакомились с работоторговлей, а в последнее время и с огнестрельным оружием. На очереди, вероятно, виски и ром, готовые вытеснить патриархальное пиво.

Само собой, европейцы винят в развращении негров арабских купцов. Те резонно отмечают, что являются лишь непосредственными скупщиками и продавцами. Концы этой долгой цепи Плутоса следует искать не здесь, а в Лондоне и Нью-Йорке.

Столь далекие от романтизма рассуждения надолго отвлекли меня от созерцания открывшейся нам местности. А между тем мы вступили в миомбо.

Идти мне очень трудно, однако же, предлагаемые мистером Зубейром носилки я отверг весьма резко. Пусть от моих прежних принципов мало что уцелело, однако пользоваться трудами безответных рабов не могу и не хочу. Заплатить им не представляется возможным, ибо жестокие надсмотрщики, такие же негры, немедленно отберут у рабов любую малость.

Меня выручил, как и всегда, Мбомо, приобретя в селении милого серого ослика. Теперь мой вид стал поистине библейским. Сам Мбомо бодро вышагивает рядом, то и дело порываясь укрыть меня от солнца самодельным зонтом.

Между тем, мистер Зубейр путешествует с немалыми

удобствами. В его огромных крытых носилках хватает места и для него самого, и для его очередной спутницы. На этот раз Рахама избрал своей пассией совсем еще дитя – девочку, купленную перед самым отъездом. Несчастливая не пленная и не подкидыш – в рабство ее продала родная мать за цену, могущую вызвать и смех, и слезы.

Несчастную? Пожалуй, я употребил неверное слово. Мистер Зубейр по-своему благороден и не продает надоевших наложниц, устраивая их как-то в Мозамбике или в ином городе на побережье. А что ожидало девочку в краю, где матери продают детей?

Суровый Мбомо напоминает о необходимости вплотную коснуться такого важного и милого сердцу читателей предмета, как африканские дамы, при этом обращая внимание на то, что выход книги – единственная возможность поправить наши неважные финансовые обстоятельства.

На это я не менее резонно заметил, что никаких «финансовых обстоятельств» у меня не имеется за отсутствием собственно финансов, употребленных до последнего пенни на экспедицию. Вместе с тем, я сумел не влезть в долги (Мбомо, надеюсь, тоже), а посему ничто не мешает нам по возвращении заняться трудом в поте лица своего, достаточным для прокормления. Мы оба, кажется, не из белоручек.

В последний свой приезд в Париж я среди прочего посетил один из театров, где давали популярную ныне комическую оперу уж не помню чьего сочинения. Герой оной пере-

живал совсем не комические злоключения. Ему, аристократу и джентльмену, ради прокормления семьи пришлось работать (!!!). Через год, когда во Франции случилась очередная революция, я, в отличие от многих, ничуть не удивился.

Однако же, пора перейти к здешним дамам. Кое-что уже сказано выше: женщин продают столь же часто, как в штате Виржиния и едва ли реже, чем в цивилизованной Англии, где обычай «продажи жен» среди простонародья до сих пор в силе. Отношения в здешних семьях ничуть не более гуманные, нежели в Европе или, скажем, в России. В то же время африканские дамы могут позволить себе некоторые вольности, невозможные в Европе. Ежели супруг слишком долго задерживается на чужбине, женщина имеет полное право вновь выйти замуж, и общество в том ей нисколько не препятствует. Муж в этом случае имеет право лишь огорчаться, но отнюдь не мстить. Прижить же ребенка на стороне во время отсутствия мужа – дело совершенно обычное и не вызывающее толков.

Что касается ношения разного рода украшений, прокалывания ноздрей и прочих мест, татуировок и раскраски, то все сие охотно оставляю для описания моему доброму другу преподобному Ливингстону, который при всем своем некотором (увы!) ханжестве, охоч до таких подробностей. Позволю себе лишь одно замечание, не предназначенное для моих будущих читателей. В отличие от негритянок, виденных мною в Северной и Южной Америке, африканки, живущие в

прямом смысле слова дома, едва ли вызовут особые романтические чувства у белого человека. В этом, вероятно, состоит разница между культурами. Дело не в красоте или безобразии, а в трудно передаваемом ощущении чуждости, несоответствия всего, что случается общего между людьми. Единственное сравнение, приходящее на ум, это глухие Средние века. Именно так какой-нибудь барон мог смотреть на простолюдинок из принадлежащего ему села.

Мы, белые, здесь еще не господа. К счастью – вероятно, не только для местных негров.

Между тем, рассуждения на эту пусть и любопытную, но абстрактную тему, отвлекли от материй куда более конкретных и важных: от сегодняшнего разговора с мистером Зубейром Рахамой и от земли миомбо, по которой мы держим путь. А ведь она по-настоящему прекрасна.

Оставляю все на завтра.

Вероятно, для пущей интриги мне следует сказать пару слов и о Даймоне. Некоторое улучшение моего самочувствия с неизбежности привело к тому, что являлся он очень ненадолго и был не слишком словоохотлив. Это более чем логично. Несколько расхрабрившись, я задал ему (духу? своей собственной болезни?!) вопрос о причинах его сдержанности. Ответ меня признаться озадачил – настолько, что я попросил его повторить. Оказалось, сие не что иное, как цитата (!) в его, Даймона, переводе (!!!) из неведомого мне литературного произведения. Передаю дословно: «Что за тяжкая

служба, Творец, быть отцом взрослой дочери!».

Боюсь даже предположить, с ЧЬЕГО языка этот перевод. Но, в целом, более чем резонно.

Дорожка 8. «Если завтра война».
Слова В. Лебедева-Кумача музыка
братьев Покрасс. Исполняет
ансамбль под управлением
А. Александрова. (3`40).

Если не вслушиваться в слова, песня производит очень сильное впечатление, особенно в таком прекрасном исполнении. Но текст поражает. «Если враг нападёт», следует двинуть вперед «запевалу», затем барабанищиков, грянуть «победную песню», и лишь потом пускать в бой пресловутые «лихие тачанки». Танки названы «железными», но отнюдь не стальными. Тонкий намек на броню Т-26 и БТ? Поэзия – субстанция, конечно, особая, но не до такой же степени! Как только Москву не сдали?

Что делать, если подвиг совершишь? Посочувствовать для начала – себе невезучему, потому как самое время. Это в фильмах голливудских можно расслабиться, предвкушая поцелуй любимой девушки и чествование на местном стадионе в сопровождении хора пожарной команды. В такие эмпиреи сами янки не слишком верят, а уж остальные, на иных дрожжах выросшие, прекрасно понимают: ничего хорошего не жди.

Алеша это тоже знал – историк, три полных курса за плечами. А уж историк обязан понимать: подвиг таковым становится исключительно по начальственной воле. И, соответственно, совсем наоборот. Тьма тому исторических примеров имеется, только Алексею Лебедеву было не до «Варяга» и не до панфиловцев. Своя гимнастерка даже панфиловцу ближе к телу.

Одно хорошо. Не учудил Алеша особых геройств, на настоящий подвиг тянущих. Пострадал за демократию, конечно, один за всех, считай, но такое и простить могут. Ното, что все бежали, товарища бросили, а он остался, лучше прочих стать решив, уже плохо. Не оправдаешься даже. Мог сказать Алексей, что не от желания погеройствовать под подошвы Десанта попал, а по собственной несообразительности. Только кто слушать станет?

А тут еще гайка!

В общем, в Штаб городской демократии Алеша шел без всякого удовольствия. Не пойти нельзя: разбор полетов, лично вызывают. Спустился Алексей после третьей пары (спецкурс по глобализму) с пятого истфаковского этажа в раздевалку, потолкался в очереди, накинул на плечи старую куртку (после вчерашнего долго чистить пришлось) – и двинул через площадь, к демократам. От университета наискосок, желтый шестиэтажный дом, первый этаж, дверь черным дерматином обита.

Что не наградят и не похвалят, Алеша самого утра понял.

В новостях полстроки всего: столкновение у телецентра, милиции пришлось вмешаться. И тут соврали! А на занятиях две девочки с курса, в Штаб вхожие, косились на товарища по борьбе без всякого сочувствия. Остальные, впрочем, тоже: синяк на щеке, нос распух, губа черной коркой застыла. Преподаватели вздыхали, не прячась: вот, мол, современная молодежь пошла! Если студенты университета такой вид имеют, что с прочих спрашивать?

В перерыве между парами Алеша по коридорам рыскал, даже на третий этаж сбегал, где философы обитают. Хотелось ему с Профессором, с отцом Жени переговорить. Если не переговорить, то хотя бы поздороваться. Поговорить, конечно, лучше, много вопросов со вчерашнего дня у Алексея накопилось. Всяких – и про оранжевые огоньки, и про неведомую «Gateway Experience».

А переворот, который неведомые враги готовят? Не шутил Профессор! А если не шутил, то следует не в кресле сидячи рассуждать, в колокола бить, народ на улицы звать!

Не встретил Профессора. Не судьба.

Домой, к станции метро «Студенческая», Алешу вчера лично Хорст отвез – на Жениной машине. Молчал все дорогу, хмурился, здорово, видно, от Профессора досталось. На прощание пожал руку и визитную карточку сунул. По глянцево-му картону – крылышки знакомые, эмблема Десанта, ниже ФИО, без всякого «Хорста», еще ниже – «старший воспитатель», словно в детдоме. Телефон, адрес с «собачкой».

Хоть не хотелось, но пришлось Алеше собственную карточку отдавать. Последнюю – полгода назад разорился, заказал полсотни да тут же раздал неведомо кому.

С Женей он бы куда охотнее карточками обменялся. Только не предложила та, что с носиком. И Профессор не предложил. То ли по забывчивости профессорской, то ли потому, что невелика – демократ Алексей Лебедев.

Почти как в старой песне про негра. Убили – ни за что, ни про что, воскресили, встал, пошел. Спасибо за внимание!

* * *

Главной за дерматиновой дверью, где истинные демократы собирались, была госпожа Усольцева, потому как ее муж, член политсовета Очень Демократической партии за аренду комнаты платил. Даже у демократов старое правило соблюдается: чьи деньги, того и музыка. Не так грубо, конечно, не в лоб. Никто Штабу госпожу Усольцеву Инну Александровну силой не навязывал. Только зачем силой? Столько иных методов имеется, отработанных, *in anima vili* испробованных.

К самой госпоже Усольцевой Алеша особо не присматривался. В отношении личном – никакого интереса. Лет на пятнадцать старше, вся в косметике, на ногтях – чуть ли не по картине Пикассо. Разве что ростом вышла, издалека увидеть можно, верст за десять – точно. Будь у них баскетбольная команда, цены ей не сложить. В смысле же серьезном, полити-

ческом и вообще – nihil. Что муж, демократ Усольцев, скажет, то она и повторит – вслух, громко и с придыханием. Демократ Усольцев и сам бы от раздачи ценных указаний не отказался бы, только дел слишком много. Газеты, заводы, пароходы, депутатство – ни головы не поднять, не продохнуть даже.

Год назад господин Усольцев сподобился – лично приехал, дабы позвать на Майдан, в палатках ради честных выборов померзнуть. Сам, правда, не мерз – занят слишком. А вот супруга решилась пример подать, благо шуба норковая имелась.

Пришел Алеша в Штаб, присел в уголке, затих, ожидая, чего будет. Может, не вспомнят о нем, дальше пойдут – по светлому общечеловеческому пути? Но если спросят, что ответить, о чем рассказать? Про музыку в наушниках, про оранжевые огоньки и смолчать можно (и про переворот, в виду полной неясности), а как про гайку промолчишь? Самому вопрос поднять? Не вчера Алеша родился. Двадцать лет – не так мало, чтобы поумнеть. Это пионеры-герои в старых книжках все сплошь принципиальные до полного суицида.

Зря, конечно, Алеша надеялся. Вспомнили о нем, конечно. И еще как!

– А кто виноват? Ты, Лебедев, и виноват. Из-за тебя мы все, блин, в дерьме по самое не хочу. По всем судам затаскают. Зой Космодемьянский, понимаешь, нашелся!..

– Из-за таких!..

– Тише, господа, тише! Алексей просто не подумал. Правда, Алеша? Вам хотелось как-то выделиться, показать себя. Мы все понимаем...

– Инна Александровна! Ребята! Я же...

– Погодите, Алеша... Да, мы понимаем, вы еще молоды... Только... У того парня из Десанта, Степана Квитко, серьезная травма лица. Могут быть большие неприятности. Мы, конечно, десантников не любим, но... Зачем вы кидали гайку, Алексей?

– Я?!

Дорожка 9. «Персидский марш.» (И.Штраус). (2`11).

Гениальное издевательство над маршем и над Персией одновременно. Любимая музыка детства.

Вышел Алеша из желтого здания, спустился по мокрым ступенькам, подошвой по асфальту скользнул, скривился. Вчера мороз, сегодня оттепель, вчера побили, сегодня оплевали.

Вокруг люди в метро спешат, предвыборные крикуны стараются (опять выборы?! опять и снова!), друг друга перекривают, с неба то ли дождь, то ли снег, солнце за невидимыми тучами к горизонту, тоже незримому, валится. Сыро, холодно, противно.

Тоска, одним словом. Ой, тоска!

В попы Гапоны его не произвели и даже вроде поверили. Не кидал – значит, не кидал, оговорили нашего Алешу злые люди. Провокации это, десантура озверелая сама себя гайкой в упор угостила. Прости, друг Алексей, возлюбим друг друга – и да здравствуют общечеловеческие ценности вкупе с Гаагским трибуналом!

Это – вслух. А на ушко, как народ расползаться начал, шепнула госпожа Усольцева Алеше пару душевных фраз. Мол, не приходи пока. И не звони. И мы тебе звонить не ста-

нем. А не то и тебе плохо будет, и нам, и всей демократии. А господин Усольцев, если Алеша шуметь и брыкаться не начнет, дело как-нибудь замнет. Может быть.

Понял? Если понял – свободен!

Понял Алексей Лебедев, свободный человек, как не понять? Не все, но многое. Не кидались бойцы Хорста Die Fahne Noch гайками. Стояли друг против друга, стенка на стенку. Откуда гайка прилететь может, догадайтесь с трех раз? И не похож «старший воспитатель» Игорь, пусть и трижды нацик в душе, на гада, что своих же парней уродовать станет.

Это раз.

И с ним, с Алешей, тоже ясность полная. Зачем перед человеком извиняться, что бросили, под кулаки и ботинки подставили? Проще можно.

Это – два.

Еще третье есть и четвертое. Не зря Алексей Лебедев на истфаке учился. Только к чему теперь этот анализ?

Оглянулся Алеша, в мокрое холодное небо поглядел, куртку на плечах поправил. Из демократов, кажется, выгнали. Куда теперь? Домой? В комнатке, что он снимал, пусто – старый компьютер и дюжина книг с библиотечными печатями. В клуб «Черчилль», где джаз играют? Оно бы славно, только в кармане – двадцать гривен, а до стипендии еще!..

Протолкался Алеша к ближайшему киоску, очередь отстоял, купил шоколадку «Свиточ» с орехами – и пошел в го-

сти к Варе.

* * *

Каждое поколение, всласть нашкодив и нагрешив, очень хочет, чтобы следующее вело себя подобно персонажам из фильма «Плезантвилъ» Естественно, новая генерация твердо идет по стопам родителей, вызывая ностальгический тысячулетьный всхлип: «Молодежь пошла!»

Ну, пошла. И ходить будет. Завидуйте!

Оплеванный экс-демократ Алексей Лебедев направился в общежитие к своей знакомой Варе Охрименко. Так и называл мысленно – «знакомая». «Подруга» – вульгарно выходит, почти по-новорусски. «Любовница»? Любовнице не шоколадку «Свиточ» дарят. «Знакомая» – и скромно, и точно. По-знакомились, общаемся...

Не то чтобы Алеша был воплощением непостоянства, напротив. Вариант «встретились – разбежались» случался, конечно. Особенно на редких гулянках в университетской общаге – или в археологических экспедициях, где с традициями не поспоришь. Но с Варей был знаком уже два года и «разбежаться» не собирался, что выглядело нелогично и даже странно.

Об этой странности Алеша думал почти как раз, когда (с шоколадкой в кармане) шел в Варино общежитии. Времени хватало – жила его знакомая далеко, причем в таком неудоб-

ном районе, куда добраться можно исключительно пешком. На транспорте тоже можно, но чисто теоретически: метро с пересадкой, трамвай, тоже с пересадкой...

Шел Алеша холодными улицами чужого города, к которому так и не прикипел сердцем, прятал озябшие руки в карманы, к шоколадке ближе – и сам себе удивлялся. Если по уму, свой со своим общаться должен. Кастовая система, не им придумано. Равенство-братство – это для митингов больше, отношения же лучше строить с ровней. Что может быть общего у студента университета с работницей завода холодильной аппаратуры? Понятно что. А еще? Ведь не месяц знакомы, не полгода. Тут одного «что» маловато будет.

Улица, еще улица... Эта шумная, та – почти пустая. Старые ботинки скользят по льду, шарф еле греет, саботирует, а перчатки Алеша дома забыл. Тоскливо, грустно... И назад не повернешь, еще хуже станет. Сильные мужчины в женском утешении не нуждаются – на то и сильные, но таких только в кино встретишь. Алексей слабым себя не считал (еще чего!), но если Вари не окажется дома... Не дома, понятно. Она, как и сам Алеша, приезжая – из райцентра Тростянец, где знаменитая шоколадная фабрика. Хорошо хоть комната в общежитии отдельная, по нынешним временам – редкость.

Разбежаться они с Варей пробовали раза три. Со стороны поглядеть – и впрямь не пара. Она старше и ростом выше, образование – училище заочно, книжки и музыка соответственно. Он, Алексей, тоже не подарок. Не местный, без

квартиры, денег только на шоколадку хватает. И впереди ничего, кроме диплома. Куда историку податься, особенно без постоянной прописки?

Не разбежались. Не получилось почему-то.

Когда Алексей в демократы записался, когда в палатке мерз и в пикетах скучал, он не только о правах человека и о свободе прессы думал. Иные мысли в голове копошились. Одно дело очкастый студент в старой куртке, неспособный девушку даже в «Черчилль» сводить (давно Варе обещал, стыдно). Совсем иное – он же, пусть в очках, но на трибуне, а то и впереди тысячной колонны. Реет знамя над головой, надежные товарищи с боков прикрывают...

Тогда и в «Черчилль» завалиться можно. Пустят, куда денутся! Поди, Хорста с Женей на пороге мариновать бы не решились!...

Остановился Алеша, все разом вспомнив: и вчерашнее, и сегодняшнее. Та, что с носиком, не Варе, конечно, чета. Так и Хорст рядом с ним тоже... Да-а...

А еще у Вари любовник есть – с ее же фабрики. Начальничек на двадцать лет старше, вдобавок то ли армянин, то ли вообще чечен. Потому и комната без соседки. Варя это не скрывала, напротив. То ли хотела, чтобы ревновал, то ли просто знала – никуда не денется парень.

Пнул Алеша ботинком подмерзшую лужу, назад поглядел. Ну, его! Вернусь домой, чаю заварю, диск с музычкой поставлю...

«Pain Control», самособой. Аноном «Cable Car Ride»

Подумал. Дальше пошел.

* * *

– Здравствуй, Варя! Я вот шоколадку...

– То привит, Леша! Соскучив? Я зараз, переоденусь только... А я тебя споминала, скучила дуже. Добре що зайшов. Но я всэ ж таки в душ сбегаю, помыюсь.

– Ты что? Опять со своим...

– Зачем пытаешь, Леша? Опять. Просто у кабинети. Розповисти як самэ?

– Н-нет. Не надо.

ИЗ ПРИВАТНОЙ ПЕРЕПИСКИ-2.

По-прежнему не пониманию Вашей увлеченности идеей создания официального (или полуофициального) центра власти, то есть того же «Всемирного Правительства», пусть и под другим именем.

Системы, как и люди (ибо из людей состоят), работают прежде всего НА СЕБЯ. Этот вывод пока не опровергнут ни теорией, ни практикой. Худшие интересуются даже не властью, а ее атрибутами (машины, деньги, должности для родственников), лучшие – самой властью, как таковой. И первое, и второе вполне соответствует человеческой природе. На пресловутое «благо народа» любое правительство работает в лучшем случае по столь же пресловутому «остаточному принципу». Посему власть над людьми издревле признается ЗЛОМ, но злом (пока еще?) неизбежным – в силу опять-таки особенностей человеческой природы, воссоздающей властную иерархию практически в любых условиях.

Зачем нам еще одна шайка мордатых бюрократов? Идея теневого «кабинета давления» более перспективна, хотя тоже не слишком привлекает. В данном случае я полностью на стороне Эдуарда Бернштейна: цель для меня если не «ничто», то нечто весьма малое. А вот про «движение» есть смысл поговорить подробнее.

В любом деле следует соблюдать главный принцип стра-

тегии – наносить лишь смертельные удары, ведущие к полной победе. Никогда НЕ ИГРАТЬ в войну, не начинать операции, не продумав все и не имея сил для ее завершения. Добавлю: не обозначать главной цели до последнего момента, по возможности отвлекая внимание противника на заранее приготовленные ложные цели.

Конкретнее? Пожалуйста: никогда нельзя называть в качестве цели определенную нацию или религию. Это станет поводом для сплочения врага, ибо ничто так не объединяет, как общий язык или вера.

Два примера – положительный и отрицательный. Сразу оговорюсь, что не буду касаться моральной стороны вопроса. Дело личное и весьма субъективное.

Гитлер воспринимал будущую мировую конфронтацию, как войну между арийцами и евреями. Борьба между державами была для него явлением по сути вторичным. Итак, он видел главного врага именно в евреях – и поспешил эту цель обнародовать, что и стало стратегической ошибкой. Если погромная агитация НСДАП периода борьбы за власть еще могла быть отнесена к «эксцессам», то Нюрнбергские декреты открыли глаза всем, желающим видеть. Результат? После Хрустальной ночи мировые банки отрезали для Германии все кредитные линии, поставив Гитлера перед альтернативой: война при абсолютном неравенстве сил или экономический крах.

Другой пример. Правительство младотурков Османской

империи в 1915 году поставило целью «окончательное решение» армянского вопроса. Некоторой утечки информации при подготовке операции избежать не удалось, но все антиармянские выступления не носили официального характера, что позволило сохранить внезапность. Итог? Гибель нескольких миллионов человек, по сути целой нации, при полном отсутствии сопротивления и почти полной – мировой реакции. Если Германия до сих пор раздавлена «религией Холокоста», то Турция невозмутимо поплевывает на попытки приписать ей «геноцид». Между прочим, в результате холокоста армян турки сумели очистить для своей нации треть нынешней территории. И это – несмотря на проигрыш в Первой мировой войне.

А теперь представьте себе, что Гитлер, придя к власти, с круглыми глазами осуждает антиеврейские «эксцессы» СА и СС, заявляет, что в Германии для него нет евреев, а есть немцы иудейского вероисповедания – а дальше делает, то же, что и в реальности. В этом случае он получает несколько лет на строительство германской экономики и подготовку к войне. А потом, году в 1942-м, когда Вермахт выйдет к Сталинграду (как это и случилось в нашей реальности), тихо, без всяких манифестаций, начинается «окончательное решение» в масштабах всей Европы. Солдатом и офицеров еврейской национальности начнут отзывать с фронта «на переподготовку», тех кто в тылу – на «трудовой фронт», на оккупированных территориях начнется масштабная «война с партизана-

ми и их пособниками»... Едва ли это позволило бы Бесноватому победить во Второй мировой, но СВОЮ войну Шикль-грубер выиграл бы вчистую. Но и «большая» война шла бы совершенно иначе, поскольку среди противников Гитлера не оказалось бы сплоченной им же коалиции еврейского капитала и еврейской демократической общественности, одинаково влиятельных в Старом и Новом свете.

Вывод? Мы должны избегать ЛЮБЫХ национальных и религиозных моментов в наших действиях. Пусть это делают другие – и чем больше, тем лучше. Особенно стараться не придется, недоумков всегда хватает. Впрочем, есть и умные. В качестве свежего примера сошлюсь на действия лидеров радикального Ислама, последовательно называющих своим врагом тех же евреев (сионизм, Государство Израиль), но отнюдь не европейскую цивилизацию и не христианство.

Поэтому мы своих противников обозначать не станем. Зачем бороться «против»? Всегда лучше «за». Кто различит в призыве: «Родина без наркотиков!» подготовку к депортации цыган, а в кампании «Здоровая семья – здоровая страна» начало решительного уничтожения гомосексуалистов?

Однако, я по-прежнему считаю, что наше истинное Царство – не от мира сего. Именно поэтому спешить нельзя, тем более Время для нас будет постепенно иметь все меньшее значение. Относительно скоро (год, два, три) мы приобретем то, по сравнению с чем физическая власть над нынешними шестью с половиной миллиардов людей станет не слишком

важным фактором.

Стратегия, впрочем, не отменяет тактики. Да, да, да! Я против физического уничтожения журналистов, музыкантов, актеров и всех прочих, имеющих выходы на «массы». Пора понять, что один конкретно взятый журналист – лишь голова Гидры. Понять – и вести себя соответственно.

У «них» не должно быть мучеников. Мученики должны быть у нас.

Насчет моих музыкальных набегов в Сети Вы меня, боюсь, не поняли. Соответствующий диск найти и купить не столь сложно, но приятен сам привкус ПИРАТСТВА. Еще один хороший лозунг – «Искусство принадлежит народу» – воплощенный на практике.

Между прочим, чужой опыт полезен даже здесь. Вы заметили, как лихо «сносят» пиратские музыкальные сайты? Кажется, пора создавать соответствующее подразделение в наших структурах. Если один-единственный вирус способен навести ужас на весь «сетевой» мир, то что сможет сделать эскадра, руководимая из хорошо законспирированного центра?

Я не преувеличиваю значение Интернета, этой «всемирной помойки». Но он хорош (среди прочего) в качестве грубой модели того, что создаем мы.

Дорожка 10. «Bella ciao». (3`13).

Из тех песен, что заслуживают даже не статьи, а целой книги. Данное исполнение в Италии считается эталонным (женский голос в сопровождении женского же хора). Исполнение интересно и тем, что оно ближе всего к музыкальной первооснове – «жалостливой» народной песне «La ballata della bevanda soporifera». Более того, начало песни – точная цитата из иного первоисточника – песни «Fior di tomba» («Цветок на могиле»), откуда был частично заимствован текст.

Вторник, 5 августа 1851 AD. Восход солнца – 7.51, заход – 16.58. Луна – Пфаза, возраст в полдень – 8, 6 дней.

Мои попытки привести в порядок записи и впредь фиксировать все происходящее с должной регулярностью пока что тщетны. Сообразил я это сегодня около десяти утра, когда Мбомо без особых церемоний свалил меня с ослика прямо на пыльную тропу. Через мгновение я понял, что в моих руках игольчатое ружье Дрейзе, в руках упавшего рядом Мбомо – его американский драгунский карабин, над головами жужжат стрелы, а откуда-то сзади уже прогремел первый мушкетный выстрел.

Думать о том, кто и почему вздумал напасть на наш караван, не было ни времени, ни возможности. Глаза уже выискивали возможную цель, но в первую минуту ничего, кроме

высокой травы и нескольких брахистегий вдалеке я ничего не заметил. Потом трава колыхнулось, показалась высокая черная фигура с длинным копьём. Исчезла. Через миг появилась снова.

Мбомо выстрелил. Не попал. Пришлось стрелять мне.

Так все и началось. Теперь, счастливо уцелев, можно спокойно подводить итоги.

Караван – богатая добыча для здешних мест. Кроме того мистер Зубейр Рахама успел нажить себе немало врагов, по-сему к чему-то подобному мы были готовы. Охрана неплохо вооружена, кроме того личный колдун мистера Зубейра предупредил об угрозе нападения еще третьего дня (!), даже назвал более-менее точное время – «до полудня».

Не веря в какие-то особые способности здешних колдунов, допускаю, что нашего хозяина предупредили лазутчики, рассылаемые из понятной осторожности по всем направлениям. Заслуга же их приписана ворожбиту из вполне очевидных соображений.

Так или иначе, но действовали все на диво слаженно. Надсмотрщики быстро уложили рабов на землю и взялись за оружие. Так же поступила личная охрана Рахамы и он сам. Вскоре стрельба гремела со всех сторон.

Известно, что читатели обожают подробные описания не только боев, но и вооружения, чем многие авторы склонны злоупотреблять. Реальная ситуация их бы, пожалуй, разочаровала. Несмотря на невиданный прогресс в деле изготов-

ления орудий смертоубийства (чему пример новая винтовка американца Шарпа, виденная мною еще в опытном экземпляре), в глубинах Африки разумнее всего использовать старые проверенные мушкеты. Причина очевидна: отлить свинцовую пулю не представляет труда, патроны же изобретения Минье достать здесь невозможно. Стрельба ведется обычно с достаточно близкой дистанции, на которой при некотором умении нетрудно попасть даже из мушкета.

Мой небольшой оружейный запас, куда, кроме ружья Дрейзе, предназначенного для подобных случаев, входят охотничья курковая двустволка Лефоше (для охоты), три старых английских мушкета, американский драгунский карабин и три револьвера «Кольт», в этих местах представляет собой истинное сокровище.

Надеюсь, мой друг Ливингстон, гордящийся своим могучим арсеналом, счастливо не прочтет предыдущий абзац. Увы, оружие стоит немалых денег, которых у преподобного просто нет. Мне повезло, поскольку перед приездом в Африку я побывал в Северо-Американских штатах, где цены куда умереннее.

Однако в реальном бою, подобному сегодняшнему, огнестрельное оружие далеко не всегда гарантирует успех. Я разрядил во врага ружье, фигура вновь исчезла, причем я так и не смог понять, насколько успешен был выстрел. Заряжать вновь не было времени – вместо одного прямо на нас с Мбомо (и на нашего бедного ослика) мчались сразу пятеро. Те-

перь их можно было разглядеть – почти голые, несмотря на прохладную погоду, в яркой бело-синей раскраске, с тяжелыми бусами на шее – и странными, невиданными еще копьями. После боя я внимательно разглядел одно из них – очень длинное, с узким тонким наконечником, так непохожее на привычные ассегаи. Вдобавок, наконечники копий и стрел, как выяснилось впоследствии, были смазаны неким сильным растительным ядом. К счастью, во время боя мы этого не знали, но это мало улучшило наше нерадостное положение. Под рукой оставались лишь один заряженный мушкет и револьвер, остальное было в багаже. Посему Мбомо, сообщивший, что к чему прежде меня, отдал мушкет и приготовил свои металлические ножи.

Первый из пятерки был мною застрелен. Затем, отбросив мушкет, я встал на колено и приготовил револьвер. Почти тут же в мою сторону полетели два копья, я вновь упал и услышал негромкий стук – копьё упало совсем близко.

Ударил выстрел из карабина – Мбомо все-таки успел перезарядить свое оружие.

Когда я вновь приготовил «Кольт», бой уже кончился. Перед нами лежало два трупа, но живые исчезли, растворившись в высокой траве.

Ослик уцелел, чему я невероятно рад. Между прочим, мы до сих пор не дали ему имени.

Мбомо, не успевший воспользоваться метательным ножом, изрядно расстроился. Я тоже не опробовал револьвер,

но совершенно не горюю.

Из охраны каравана погибли двое, еще двое вскоре умерли от яда. В суматохе бежал один раб. Мы насчитали двенадцать вражеских трупов, все в описанной выше раскраске, с бусами и узкими копьями-жалами. Вероятно, кое-кто из убитых и раненых был унесен своими же товарищами.

Нам достался один пленный, легко раненый мушкетной пулей в ногу.

Эта история, обычная для Африки, имела тем не менее интересный эпилог. Прежде всего объявился мой Даймон. Оказывается, он, подобно помянутому уже колдуну, знал (!) о предстоящем бое и не хотел мне мешать (!!!). Поздравив с успехом, он походя пояснил, что нападавшие были из племени ндорума, живущего далеко на севере и промышляющего откровенным разбоем. Оказались они здесь не сами по себе, а будучи нанятыми неким купцом, конкурентом мистера Зубейра.

Напоследок Даймон посоветовал внимательно осмотреть лежащие передо мной трупы.

Нечего и говорить, что я поначалу не придавал веры сведениям, полученным столь оригинальным образом. Тем более ни я, ни Мбомо никогда не слыхали о племени с названием «ндорума». Каким же было мое удивления, когда очень скоро все сказанное подтвердилось. Пленный, спасая свою жизнь, поведал именно то, о чем немногим ранее сообщил мне Даймон.

Окончательный сбитый с толку, но и одновременно чрезвычайно заинтригованный, я оглядел мертвые тела, лежащие у тропы. У одного ничего не оказалось кроме убогой набедренной повязки и копья. Другой, почти голый, тем не менее носил кожаный, обшитый медными бляшками пояс, за который был заткнут очень длинный нож странного вида. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что нож изготовлен из цельного когтя невиданного размера.

Длина лезвия кинжала – два фута и восемь дюймов. Сам коготь был, судя по всему, еще больше.

Осознав, что именно обнаружено, я чуть было не завопил во всю глотку, взывая к бесстыжему Даймону, столь хитро натолкнувшему меня на эту находку, но не пожелавшему ничего пояснить. Мое недоумение отчасти разрешил один их надсмотрщиков родом из племени макололо. Такие когти он уже видел.

Итак, зверь Керит-чимисет. Очень приятно, мистер Керит, благополучны ли ваши дела?

Дорожка 11.

«Die Moorsoldaten». Музыка и слова: R. Goguel, J. Esser, W. Langhoff. (3`49).

«Болотные солдаты» – песня заключенных немецких концлагерей. Написана в Дахау. Как и все немецкие маршевые песни, великолепна, к тому же не имеет омерзительного привкуса нацизма. «Болотные солдаты, идем среди проклятых болот...»

Хорошо, если тебя, взрослого серьезного парня, почти что дипломированного историка, девушка называет «малюня»? Конечно, хорошо, даже очень. На людях, где-нибудь у демократов в присутствии гостя из Канады, можно и сквозь паркет до самого фундамента провалиться, когда к тебе этак: «Малю-юня! Мой малюю-ю-юня!» Но если один на один, если ее губы касаются твоей шеи, скользят мягко, вокруг стылые зимние сумерки, но тебе тепло под легкой простыней? – Малю-юня! Мой малюю-ю-ня! Мой бидный!..

«Бидный» – потому что кровавые отметины на лице, и на боку отметины, и на плече. Вот и скользят губы – осторожно, кожи еле касаясь.

– Малю-юня! Моего малюню побылы. Би-и-идный!..

Про «побылы», конечно, и речи не было. Не собирался отставной демократ Алексей Лебедев жаловаться. Напротив! Факт по всякому представить можно. Одно дело – отметили на ровном месте ни за что, ни про что, совсем иное – вступил в неравную драку с нациками, в бой кровавый за права человека, за европейскую интеграцию. Пострадал, но и врагу не сладко. Наше кун-фу все равно ихнего сильнее!

Так и сказал, только не обманешь. Умная она, Варя из Тростянца, даром что ни по-русски, ни по-украински чисто говорить не выучилась.

– Малюю-ю-юня! Ты лежи, малюю-юня, не поспешай. А я тэбэ цилуваты буду... Би-и-идный!..

Спешить Алеше и в самом деле ни к чему. Куда спешить? Сквозь холодный мерзлый город, прихваченный вечерним морозцем, в пустую комнату, где ждет только немытая чашка из-под кофе? И зачем? Тепло, Варя рядом, ее рука на груди, а по темному потолку – легкие световые зайчики. То ли от окон соседнего корпуса, то ли даже откуда повыше. Трудно найти Эдем в чужом городе, пусть самый маленький, за тонкой дверью из деревоплиты, с двумя фикусами на окне и старым кассетным магнитофоном прямо на полу. Удобно! Протянул руку – щелк. Слушай мюзикл про Собор Богоматери пока не надоест.

– Малю-ю-юня! Ты самый лучший, мой малюю-юня. Мэни ни с кем ще так хорошо не було, ни с кем. И не будэ! Мой малюю-ю-юня!..

Потому и не расстался он с Варей Охрименко, работницей завода холодильной аппаратуры, хозяйкой маленького Алешиного рая. Хотя по его теории им даже встречаться не стоило. Каста есть каста. Суржик с выворачиванием слов наизнанку ничего, даже с песней про Эсмеральду-цыганку свыкнуться можно (не «Руки вверх!», и слава богу). Но если все, что молодого историка Лебедева интересует, заботит, тревожит, для девушки из Тростянца исключительно «Тю! От дурныця!»? Иной раз найдешь в библиотеке, в книжке древней, изданной в городе Бонне 1844 AD, такое! Такое!!!

«От дурныця! На що тебе, бидный малюня? Лучше ко мене йды!..»

Et vice versa. Варю тоже интересовали совершенно ничемные Алешиной с точки зрения вещи. Постоянная прописка, скажем, или лишний отгул. Или новая шуба, потом как в старой на улицу не выйдешь. «Дурныцями» это воспитанный молодой человек вслух не называл – но слушал вполуха.

Где двоим таким встретиться? Нигде! Разве что на случайной дискотеке – или в метро друг другу на ноги наступить.

Познакомились, как ни странно, в университете, в святая святых – на пятом истфаковском этаже. Варина подруга, тоже из Тростянца, вздумала на исторический поступать, на День открытых дверей зашла, что в начале каждого марта бывает. Варя, дабы землячку морально поддержать, с ней

вместе в храм знаний пожаловала. А второкурснику Лебедеву доверили важное задание – отвести будущих абитуриентов в университетский музей. С пятого этажа на второй.

Подруга не поступила – срезалась на первом же экзамене. А Варя с Алешей как-то рядышком оказались. Думали вначале: раз – и раз-бежимся. Но все не разбегались. Несколько нестойких минут Эдема, когда никуда не хочется уходить, у тебя все в порядке, ты самый-самый, Варины губы скользят по коже...

– Мой малюю-юнечка! Мой такой хороший...

Что еще надо в такой миг? Даже о борьбе за свободную прессу и права сексуальных меньшинств напрочь забудешь. Не то, чтобы надолго, но все же...

– Вин хочэ меня в отдел техничного контроля перевести. А я й нэ знаю. Працюваты легче, а от зарплата почти нияка. Вздохнул Алеша. Кончился Эдем.

* * *

Иногда Алеше начинала напрочь не нравиться его жизнь. Совсем. Если со стороны взглянуть... Не надо со стороны, изнутри тоже не слишком весело. Всякое в таких случаях психология рекомендует. Вспомнить, например, что другим еще хуже. Алешин однокурсник, Семен Синецкий, с детства калека, горб на плечах таскает, бедняга. Другой, Петро Никоненко, вообще, в самом начале семестра, в сентябре, под

электричку угодил. Третий...

Помогало, но не всегда. И не надолго, особенно, когда Эдем кончался. Алеша начинал понимать, что лежит голый под простыней, пахнувшей карболкой, сейчас придется вставать, искать неведомо куда завалившуюся майку, одеваться, брать паспорт на у вахтерши, выходить на холод. А завтра Варя зайдет в кабинет к хачу-начальнику, тот закроет дверь, кресло подвинет...

Зачем только рассказывала? Понятно, зачем, но все-таки...

...А Хорсту Die Fahne Hoch Женя досталась. Не то завидно, что Профессорова дочка красоты невероятной. Девчонка, как девчонка, Вари немного помоложе. Но ведь вдвоем *интересно!* По-настоящему, не только когда она слова ласковые шепчет. У них тайна – одна на двоих. Пусть на троих, если Профессора считать.

Какую именно программу вы ставили Алексею? Надеюсь, не «Gateway Experience»?

А если «Gateway Experience», что тогда? «Gateway Experience» – «Врата восприятия». Восприятия – чего? Не его ли, Алеши, дурацкой «телеграммы»?

«Хочу – идиотами – командовать!» Фу ты, стыдно даже!

А вдруг слышали?!

* * *

– Алеша, мени трыста гривень нужно. Дужэ! Розумиешь, я год за свет на платила, видключиты могут.

– Варя, я...

– Не хочу в його братъ. Понимаешь? И скупый он, приныжуватыся не хочу. Так выходыть, что он сам в мэнэ просыть, а если я попрошу... И еще мэни сережки нужны.

– Но я тебя уже...

– Дурный! То бижутэрия, а я золотые хочу. Не очень дорогие, я придывылась. Знаешь, такие, як кольца... Мне вжэ двадцать пять лет, Алеша, не можно мне, бижутерию носить. Так знайдэшь? Мени послезавтра нужно.

Дорожка 12. «Марш». Исполняет Александр Галич. (3`03).

Очередная интерпретация «Славянки», может быть, самая удачная. Запись редкая, один из немногих случаев, когда Галич пел под оркестр. Именно этот вариант «Славянки» предлагался в качестве Гимна Российской Федерации. «Вперед, за взводом взвод, труба боевая зовет. Пришел из Ставки приказ к отправке, и значит нам пора в поход».

Морда – испугаться можно. Если не испугаешься, бери крысу – и о морду со всего размаху. Смерть грызунам, вредителям народного хозяйства!

Морда не сама по себе – на фоне кирпичной стенки. То ли на мученичество тонкий намек, то ли у художника совесть заговорила.

– Нам здесь жить! Нам! Здесь! Жить!!!

Это уже слоган. Белыми буквами по плакату – и голосом, словно перевод для особо непонятливых.

– Нам здесь жить! Честной стране – честное правительство. Наш блок – блок честных людей!.. Нам здесь!..

Поежился Алеша от холода, на шаг отошел, дабы все вместе обозреть: плакат, глашатая с мегафоном, еще одного с пачкой свежих газет наизготовку. Вот и экран белеет, на экране та же Морда Крысобойная, тот же лозунг. Сейчас

фильмик крутить-вертеть начнут, но пока мегафон старается.

– Честные люди – честный парламент! Честной стране – честную власть!..

Проорал, мегафон опустил. Фильмик? Нет, для начала затравку – ретро-песни, про «На дальней станции сойду». Независимость – независимостью, но все мы born in the USSR.

Оглянулся Алексей, в сторону станции метро посмотрел. Там тоже экран, тоже мегафон, даже два. Чем удивляться? Вечер, народу тьма, самое время про «Нам здесь жить!» над-рывать.

... "Нам здесь жить" – роман так называется, Алешей еще на первом курсе читанный. Интересно, Морда авторам за слоган отстегнула? Или как всегда?

Забыл Алексей Лебедев про выборы – не до выборов ему теперь. Не поленились – напомнили. Прямо-таки дежа вю. Год назад ради честных выборов в палатках мерзли, теперь в палатки, не зовут, но бывшие братья-демократы сейчас наверняка тем же заняты. Только вместо Морды «Нам Здесь Жить» на плакате сам господин Усольцев. И крутят не «со-вок», а нейтрально-европейское. Тоже намек – на грядущую интеграцию.

– Честное правительство-о-о!...

Обратно Алеша тем же путем добирался. Руки в карманы, шарф под подбородок. Куда спешить? В пустой комнате

волком завывать можно. В бар «Черчилль», джаз послушать? Эх, лучше не вспоминать! Даже на кино не хватает, не при «совке» живем, когда билет сорок копеек стоил. Про театр и вспоминать нечего.

– Нам здесь жи-и-и-ть!..

А зачем театр, если прямо под носом настоящая жизнь, без дураков? Можно даже сказать, История. Вот она, вершится, родная! Президента в палатках высидели, теперь парламент вычудим.

– ...Год назад нас всех обманули! Обманули! Шайка, пришедшая к власти, занялась дележкой того, что не успели разворовать! Наш блок требует: казнокрадов – под суд!..

Ничего особенного Алеша увидеть не рассчитывал. И так понятно. Демократы – про Европу, остальные – про Россию, демократы – про Голодомор, остальные – про русский язык. И все вместе – про честное правительство.

О чем еще скажешь? Об отмене депутатской неприкосновенности? Так на Морде Крысобоной, если журналистам верить, три уголовных дела висит. У господина Усольцева... Нет, не уголовщина, и не у него, а у его брата...

– Товарищи! А давайте их всех изберем. Всех, кто пожелает. Изберем – и за решетку, скопом. По «десятке» с конфискацией навесим, а там и разбираться начнем. «Нам здесь жить»? Это нам – здесь жить, а они, сволочи, думают на вилле швейцарской спрятаться, когда припечет. Не спрячутся, не успеют. На черта нам вообще эта говорильня? Вор должен

сидеть в тюрьме, правильно? Обещаю – сядут! Парламент закрыть, политиков – на нары!..

Ого, кто там такой смелый? Обернулся Алеша, головой покрутил. А тут, откуда ни возьмись, патруль с дубинками. – Ваши документы!

* * *

Задерживали Алешу Лебедева регулярно. Выпившего – считай, за дело (не попадайся!), но и трезвого в покое не оставляли. То ли старая куртка подозрительной казалась, то ли из здоровой ненависти к тем, кто в очках и виду интеллигентного. Не братка же с обрезом под полою останавливать, не бомжа инфекционного!

Алексей привык, потому и с паспортом не расставался. Сегодня задерживать его сам милицейский бог велел: личность, словно после парламентской дискуссии, со стороны смотреть страшно.

– Прописка временная?

Вздыхнул Алеша – началось! Отпустят, понятно, потому как трезвый и с документами, но помурывают вволю. Почему губа разбита, зачем очки надел...

– Глядите, товарищи! Менты парня задержали. Ничего не делал, стоял, агитацию слушал. А почему задержали? Потому что бандюганов тронуть боязно. Трусые они – менты. И воры! Не должен народ ментов бояться – пусть они от народа

прячутся. На нары ментов! На нары!

Дрогнул Алешин паспорт в милицейских пальцах.

– Депутат, вор и продажный мент – враги народа! Покрывают друг друга, гады! Самое время вернуть смертную казнь! Мы не призываем, товарищи, мы ее просто вернем. И скоро!..

Отдали патрульные паспорт, не стали вопрос с пропиской усугублять. Отдали – в сторону смелого крикуна шагнули. Алеша спрятал паспорт, подумал чуток – и за ними.

Кто же там решительный такой?

Далеко идти не пришлось. Слева от входа в метро, где днем цветами торгуют, толпа невеликая. Посреди – парень с мегафоном, над ним полотнище малиновое, тяжелого бархата. Буквы золотые: «Отечество и Порядок».

Покачал головой Алеша, подход оценив. Не ноу-хау, конечно, но весьма доходчиво. Глядишь, и выйдет что-то.

Только зря этот смелый родную милицию поминал. Сейчас, прямо здесь, и повяжут.

– Завтра мы опубликуем список аптек, где торгуют наркотиками. Все они – под ментовской «крышей». Сходите, товарищи, поглядите, как «торчки» поутру собираются, прохода людям не дают!..

А патруль уже рядом, руки к смельчаку тянет. Только опустили руки – шагнули из толпы крепкие парни с знакомыми повязками, загородили дорогу. Золотые крылышки на синем фоне, значки-"поплавки" на куртках. Чуть не присвист-

нул Алеша. «Десант»! Вот оно что! Интересно, полезут, эти с дубинками в драку, рискнут здоровьем?

Не полезли. Здоровье – оно свое, не казенное.

* * *

– Товарищи работники милиции! Если вы – парни честные, если наркотой не торгуете, перед бандитами не шестерите, идите к нам. Что мешает всех бандитов известить? Депутаты, адвокаты и законы. Правильно? Законы мы изменим, депутатов посадим, на адвокатов охоту объявим. А гады всякие, что нас сейчас запоминают и из-под полы фотографируют, пусть знают, что и у нас фотоаппараты есть. И семьи имеются – и у нас, и у вас, и дети в школу без охраны ходят...

Дорожка 13. «Марш Буденного».

Слова Н. Асеева Музыка

А. Давиденко. (2`44).

Не путать с иными конармейскими песням-сестрами. Эта о том, как «конная Буденного раскинулась в степи». Запись старая и редкая, сама же песня производит странное впечатление. Написанная явно в псевдонародных русских традициях, она слушается как нечто китайское, даже с пентатоникой.

Среда, 6 августа 1851 AD. Восход солнца – 7.49, заход – 17.00. Луна – Пфаза, возраст в полдень – 9, 6 дней.

Сорта слоновой кости в зависимости от размера клыков:

1. Дамир – наибольшие клыки (до 10 футов длины).
2. Бринджи ахль – большие клыки очень хорошего качества.
3. Дахар бринджи – мелкие клыки хорошего качества (весом до 20 фунтов).
4. Бахр – клыки весом до 12 фунтов.
5. Клиндже – самые мелкие клыки по 2-3 фунта весом.
6. Машмуш – слоновая кость низкого качества, побывавшая в земле или воде, а также испорченная солнцем. Используется для технических целей, покупать ни в коем случае нельзя.

Сведения эти могут весьма пригодиться во время моего самостоятельного путешествия.

Надеюсь.

Желая восполнить упущенное ранее, вынужден поступиться весьма любопытными подробностями сегодняшнего дня, в том числе результатами осмотра когтя зверя Керит, о чем напишу позже и отдельно.

Итак, разговор с хозяином каравана мистером Зубейром Рахамой, состоявшийся позавчера, то есть в первый день нашего путешествия. Беседа наша действительно очень важна, ибо прямо касается всех моих дальнейших планов.

Не удержусь от воспоминания: во время разговора с Рахамой мне довелось выпить целые три чашки кофе, завариваемого его невольником-арабом по какому-то особому рецепту. Кофе превосходен (мистер Зубейр именует его «аромат Йемена»), но повторять этот подвиг не решусь. Боль в затылке не отпускала до самого вечера – в придачу к моей постоянной спутнице-лихорадке.

Суть беседы с мистером Зубейром проста. Никакие хорошие личные отношения не послужили бы гарантией безопасности в таком путешествии. Для хищника, которым без сомнения является мой добрый знакомый, я и мое скромное имущество (особенно оружие и коленкор) рано или поздно показались бы исключительно законной добычей. Однако, моя давняя дружба с губернатором Капской колонии заставляет даже разбойника проявлять осторожность. Более

того, в личном письме губернатор прямо указал, что если со мной что-то случится, и я не вернусь в течение года, мистеру Зубейру придется забыть о торговле не только в британских, но и в португальских владениях. Угроза не пуста: конкуренты Рахамы охотно займут его место и уже предлагают весьма выгодные условия.

Итак, наши интересы совпадают: я хочу вернуться живым, а мистер Зубейр не желает терять доход. Посему все путешествие он весьма предупредителен.

Зная цели моей экспедиции, он поинтересовался, на какое еще расстояние к северу я желаю проследовать. Причина вопроса в том, что через несколько переходов караван остановится надолго – и мое присутствие становится совершенно нежелательным. Рахама аргументировал это начинающейся войной (которую сам же разжег!) и посоветовал вернуться с отрядом, отсылаемым им на юг с грузом слоновой кости.

Я ответил, что для первой из двух моих задач этого вполне достаточно. Мне осталось произвести два или три измерения, после чего можно смело подводить итоги. Данная часть работы будет выполнена. Вместе с тем, вторая задача требует дальнейшего, уже самостоятельного, движения на север, в район, именуемый местными неграми Иривати (Большая вода). Судя по всему, там находятся несколько крупных озер. Для этого путешествия мною и захвачен запас валюты (то есть, коленкора), равно как оружие и боеприпасы.

Мистер Зубейр твердо заявил, что риск для его «дорогого

друга» превышает все разумные меры. Одинокiй европеец в этих краях обречен, а мое «богатство» (коленкор!) послужит лишь приманкой для разбойников. В погоне за журавлем я потеряю не только синицу, которую уже посадил в клетку, но и самое жизнь.

Есть над чем поразмыслить, особенно если учитывать мое скверное самочувствие. Умереть, не закончив ни одного из дел, было бы очень обидно.

Между тем, сегодняшнее утро ознаменовалось весьма драматическим эпизодом – попыткой переправить небольшой отряд на другой берег встреченной по пути реки, которую местные жители именуют Кофуэ. Переправа завершилось посередине, на стрежне (наскоро построенный плот рассыпался по бревнышку), после чего состоялась отчаянная схватка с местными крокодилами. Чудо, что никто не погиб, но двое негров и араб-охранник были ранены весьма серьезно – и наверняка простудились. Все-таки август – южноафриканская зима.

Крокодилы здесь, как я успел заметить, весьма большого размера, весьма сходные с виденными мною в Судане. Ружейных выстрелов чудища совершенно не боятся. Одно из них умудрилось выползти на берег и столкнуться нос к носу с нашим многострадальным осликом, отпущенным мною поспастись по случаю привала. Вмешаться я не успел: крокодил помедлил самую чуть – а затем стремглав убежал обратно в реку. Пораженные арабы из числа охраны подняли ди-

кий крик: «Куджур! Куджур!» («Колдун! Колдун!»), имея в виду явно не перетрусившего крокодила.

Таким образом, вопрос с именем для ослика решился. Наш Куджур его заслужил по праву.

Для меня этот трагикомический эпизод интересен еще и тем, что явившийся с утра пораньше Даймон пересказал его задолго во всех подробностях – задолго до того, как все произошло.

Капитулирую перед очевидностью. Никакая болезнь, никакая лихорадка, никакое раздвоение личности не могут превратить меня в провидца, причем два раза подряд. Даймон так же реален, как и крокодилы в реке Кофуэ. Вероятно, столь неуважаемые мною прежде спириты правы, и мы в некоторых случаях, например, когда чувства обострены болезнью, способны находить контакты с миром духов.

Значит, я общаюсь с умершим? Не желая спрашивать прямо, дабы не спугнуть «гостя», я поинтересовался у вновь явившегося (уже на закате) Даймона, о его самочувствии. Ответ, признаться обескуражил: мой Даймон сообщил, что сидит за столом, пьет кофе (правда, не «аромат Йемена», а напиток неведомого мне «Якова») и чувствует себя превосходно.

Возможно, прав тот, кто считает, будто умершие сами не ведают о своей кончине, воображая, будто жизнь их продолжается. Страшно, если подумать!

Увы, за всеми делами, я так и не успеваю написать о том

прекрасном, что вижу каждый миг. Поистине земля миомбо достойна куда более умелого пера, чем мое. Даже самый черствый человек ощутит пробуждения истинного чувства, увидев, как ярко-красное, словно налитое тяжелой кровью, солнце касается верхушек недвижимых от жары деревьев мопане. Именно в этот миг над землей, такой же красной, как закат, начинают петь вечерние птицы...

Увы, поэтического дара я лишен. Мбомо спешит заметить, что сие определено к лучшему, ибо в противном случае, я бы потратил все время экспедиции на сочинение оды в честь первой же встреченной зонтичной акации и винтовой пальмы.

Не знаю, как пальма, а зонтичная акация того стоит.

Небо ясное, туч нет, значит, ночь следует посвятить измерениям. Надеюсь, секстант и на этот раз не подведет.

Дорожка 14. «Lily Marlen».

Музыка Норберта Шульца,

слова Ханса Ляйпа. Исполняет

Сюзи Солидор. (3`23).

Достаточно редкое исполнение легендарной песни в ее французском варианте.

Решил Алеша Лебедев все тайны разом узнать. Не вообще, не в мировом масштабе – в личном. Больно накопилось их: музычка в наушниках, оранжевые пятнышки на экране, телеграмма в мировое пространство, переворот грядущий. Мало? Можно Десант добавить, и ребят под бархатным знаменем, которые «Отечество и Порядок». Кто такие, откуда взялись, из чьей мошны деньги берут?

Заодно и Профессора, Жениного папу разъяснить. Очень уж запомнился.

Понял Алексей: прикоснулся он к чему-то необычному, к такому, что не на каждом жизненном углу встретишь, не у каждой станции метро. Даже не понял – почувствовал. Порознь, по отдельности, все мелочью показаться может, но если разом собрать и присмотреться...

Решить-то решил, только не сразу руки дошли. Учиться надо, на лекции ходить, к семинарам готовится. Текучка, ру-

тина, но куда денешься? В двоечниках, даже в троечниках, которые "D" и "E" по новому счету, пребывать никак не хотелось. И так ничем не знаменит, из демократов выгнали, пусть хоть зачетка прилично выглядит. А преподы смотрят косо, кривятся: мало, что демократ, еще и хулиганить горазд, вся личность в отметинах. Каждому не объяснишь, и слушать не станут.

Отметины, кстати, сходили на диво быстро. И то счастье.

С Варей никого счастья не предвиделось. Даже маленького, на полчаса всего, что порой Алеше выпадало. Как ни бежал, как ни вертелся, а триста гривен не достал. Кое-что раздобыл – как раз, чтобы Варе свет не отключили. Думал, подождет остальное, сережки – не лампочка, и без них прожить можно. Зря думал! У женщин своя шкала ценностей.

Варя ему все обстоятельно пояснила, с примерами. Выслушал Алеша, понял. И то, что без золотых сережек на улице выходит стыдно, и то, что ему можно больше в заводскую общагу не наведываться.

– Отакый ты, Алеша! Значить, його просить буду...

Вышел Алексей из знакомой комнаты, дверь прикрыл – и двинул длинным коридором к лестнице. Вниз спуститься, паспорт у бабки-вахтерши забрать, и – пехом, через весь город, не оборачиваясь.

Можно и обернуться. Толку-то?

Вот тогда и появилось время тайнами заняться. Больше, считай, нечем.

Как тайну узнать? В книжках про пионеров-героев или про юных сыщиков все просто: надевай темные очки, бороду из мочалы к подбородку клей и начинай следить за врагом. Он на бандитскую хазу-малину, и ты туда же, он в склеп вампирский – и ты вслед за ним. Два раза в надгробие постучать, пароль «Я от Барона Субботы»...

Простой способ, удачный, только еще проще можно. Алексей Лебедев не зря на историческом факультете свои "А" и "В" получал, мудрых преподавателей слушал. А те питомцам своим разъясняли: настоящие тайны никто не ворует. Встречаются два шпиона где-нибудь в Швейцарии, в Давосе, за столик садятся, кофе заказывают – и тайнами обмениваются. Ты ему мобилизационный план, он тебе – медицинскую карточку президента. Даже название есть «шпионская биржа». Шпионы, как и милиционеры, тоже люди, к чему им здоровьем рисковать?

Это тоже годилось, только не было у Алеши в запасе ни мобплана, ни даже пароля к компьютеру Ракетных войск стратегического назначения. И в Давос ехать далеко.

Что остается? Понятное дело, Интернет. Тут совсем ничего не требуется. Заходи в интернет-кафе, очереди дождись, набери в графе «Поиск» «Самая-самая страшная тайна» и доставай флешку. Дискетой не обойтись, слишком много их, самых-самых страшных.

Тут, конечно, возразить можно, даже посмеяться. Интернет не зря «всемирной помойкой» прозван, и тайнам, что по

разным сайтам разбросаны, такая же цена. Кто пишет, что американцы на Луне не были, кто клянется, будто наша Земля плоская, словно тарелка, лишь у краев слегка приподнимается. Насчет же глобальных заговоров и говорить не приходится. Мечта психиатра! Скачивай – и диссертацию ваяй, хочешь про шизофрению, хочешь про паранойю. Верно, только секреты, что по шпионским биржам кочуют, немногим качественней. Знающим людям давно известно: не в поиске проблема, в отборе. Сквозь сито просеять, ерунду выбросить. Только прежде чем выбрасывать, сперва набрать следует. Для этого и «помойка» сгодится. Вали кулем, после разберем!

Так Алеша и сделал. Посидел у компьютера час с небольшим, перебрал все тайны на флешку, заплатил шесть гривен с полтиной.

А что теперь? Тайны, считай, в кармане, значит, пора начинать агентурное внедрение. Подумал Алексей Лебедев, достал мобильник...

* * *

С Хорстом, который Die Fahne Hoch, возле памятника Шевченко встретились, что на Сумской улице. Приметный памятник, не спутаешь. Стоит Кобзарь, хмурый весь, кулачища сжаты, в вокруг – толпа. Слева – гайдамаки-разбойники с косами, справа – комиссары с трехлинейками. То ли в

бой их сейчас поэт поведет, то ли наоборот, разом кинутся, чтобы Кобзарю линию партии разъяснить.

Днем еще ничего, а вечером, как сумерки сгустятся, и подходить страшно.

Под одним из комиссаров, который в буденовке и шинели, Хорст и стоял. Тоже при полном параде – повязка с «крылышками» на рукаве, военная куртка, только не черная, чекистская, а камуфляжная, в желтых пятнах. «Поплавка» на груди нет – не положено. Его только те десантники носят, кто в настоящем десанте служил, армейском.

Вот и первая польза от «помойки». Разъяснили!

Увидел Хорст Алешу, улыбнулся, шагнул вперед. Бывший демократ Лебедев тоже вежливость соблюдл, уголками губ дернул.

Пора! Что говаривал товарищ Ленин? Оборона есть смерть вооруженного восстания?

* * *

– Привет, Алексей! Ты как в целом?

– Полный восторг, Игорь! Смеюсь и плачу. Выходит, я – самый главный провокатор? Что у вас на сайте написано, а? «Драку затеял активист так называемого „демократического движения“, известный своими провокационными выступлениями...» Чего только фотографию не повесили? Прислать?

– Б-блин! Реально? Ну, это точно без меня. Я слышал, что

тебя твои же либерасты...

– Ага. Куды хрестьянину податься? Я не знал, что вам Суржиков информацию подкидывает.

– Фу ты! Сегодня же исправим, обещаю. Сам понимаешь, Алексей, дураков реально много.

– Откуда же умным взяться, Игорь, если людям по ушам звуками разной частоты лупить? СИС – первый шаг в дом Хи-Хи!

– А-а... О чем ты?!

– СИС – состояние измененного сознания. Наступает вследствие того, что мозг начинает работать на частоте, равной разности двух поданных частот. На левое ухо одна, на правое – совсем другая. Бинауральный ритм, если по-умному. А музыка, всякие «Ad astra» Яна Хайза – для маскировки и лучшего усвоения. Кто это изобрел? Доктор Менгеле?

– Не Менгеле... Мы с Женей не хотел тебя в больницу отвозить. Не помогли бы тебе там, зеленкой бы помазали – и ментов кликнули. В СИС мы тебя не вводили, разве что очень ненадолго. Это считается реально безопасным... Слушай, Алексей, может, ты лучше с Профессором поговоришь?

Дорожка 15. «Песня про маршала Тито». (2`26). Авторы и исполнители неизвестны.

«Друже Тито – наше знамение». Типичный культ личности – с хором и распевами. Но слушается приятно

Каменная арка, по бокам коринфские колонны, сбоку надпись – поврежденная, несколько букв осталась. Кладка приметная, римская, первых веков нашей эры. Слева и справа – деревья в густой темной листве...

Отвел Алексей взгляд от фотографии, вновь на Профессора посмотрел. Кивнул:

– Это я понял. А чего не понял, в Сети нашел. «Rain Control» и «Cable Car Ride» – медицинские программы, институт Монро разработал, в Штатах который. Боль снимают, нервы успокаивают. Сейчас их на дисках продают. Комплект – шестнадцать штук, безопасность гарантирована.

Теперь и Профессор кивнул, одобрительно весьма.

– Сами нашли? Вы, Алексей, молодец. Да, вполне безопасно, но действие весьма поверхностное. Поэтому и советовал к врачу обратиться. Значит, вы не бинаурального ритма испугались?

Когда я человеком беседуешь, в глаза смотреть не стоит. Взгляд – точка в разговоре. Не станешь же все время точки

ставить! Поэтому лучше всего на ухо или на плечо собеседника поглядывать, а порой и вовсе взгляд отводить на секунду, другую. Как перебивка в телерепортаже.

Эту нехитрую премудрость Алексей, конечно, знал. Поэтому и на фотографии, что в комнате развешаны, посматривал. Жилье – отражение человека, а тут, считай, родство душ. Что ни фото, то древние развалины. Как историку удержаться?

... Там арка, а на этой дом целый в четыре этажа. То есть, не целый, только стена. Окна огромные, по бокам – колонны, тоже коринфские. Где же это? Не Херсонес, конечно, не Ольвия. И, кажется, не Рим. Спросить?

– Нет, не испугался. Просто... Зачем это нужно, Профессор? В Сети говорят, что некоторые программы с бинауральным ритмом, предназначены для путешествия в... в другие миры. Роберт Монро даже книжки об этом писал.

Профессора Алеша решил так и называть – Профессором, не по имени-отчеству. Если Хорсту-Игорю, позволено, то, может, ему тоже?

Попробовал – получилось. Профессор не возражал, принял, как должное.

* * *

Беседовали они в той же комнате, большой, с фотографиями, где и познакомились. Один на один – у Игоря важные

дела оказались, Женя к матери поехала. Алеша не то, чтобы расстроился, но...

Пока они к Профессору на Красношкольную добирались, Хорст рассказал по секрету: Профессор с женой давно в разводе, Женя у матери живет, но у отца бывает чуть не каждый день. Не секрет это, конечно, но усугублять не стоит.

Алеша, которому слово «усугублять» в исполнении Хорста *Die Fahne Hoch*, чрезвычайно понравилось, твердо обещал. Не будет, даже пытаться не станет.

Итак, Жени не дома случилось. А ведь именно она все заставляла: с музыкой, с картинками, с напитком из дерева гинкго двулопастного.

И вообще, почему бы не пообщаться, если повод есть?

– Писал Монро книжки, – Профессор дернул губами, пружинисто встал, повел плечами. – У меня где-то...

К Профессорской внешности Алеша уже успел присмотреться. И выводы сделать. Крепкий дядька, несмотря на годы, энергичный, расслабляться себе не дает. Лицо вполне кастовое, со слесарем не спутаешь, даже если очки снять. Вот только борода... Ерунда как будто, но без нее Женин папа на обычного профессора бы походил, а с нею – действительно Профессор. Не кличка даже, не прозвище, а тайное имя, не для посторонних.

– Сейчас!

Вышел Профессор, Алешу наедине с фотографиями оставил. Можно снова изучать. Видел он такую арку! Не вживую,

конечно, но видел. То ли, в учебнике, то ли в кино. Арка, кажется, на улице стоит, там туристский маршрут проложен...

– Эфес, – Профессор, оказывается, уже вернулся и даже успел сообразить, куда гость смотрит. – Безобразная реставрация, залили бетоном – и все. Погубили памятник! Кносс на Крите, впрочем, еще хуже, смотреть не на что... Вот!

«Вот» – это книжка. Прежде чем в руки взять, Алеша не удержался, завистливо вздохнул. «Смотреть не на что!» Эфес, Кносс... Он бы не отказался! Ладно, что там с книжкой? Ничего особенного, обложка мягкая, буквы цветные. R. A. Monroe «Ultimate Journey». Это как? «Окончательное путешествие»? Куда, простите?

– У него еще есть «Далекое путешествие», – Профессор чуть улыбнулся. – Но это самая известная. Видите ли, Алексей... Я занимаюсь среди прочего, изменением общественного сознания в кризисные эпохи. Одна из тенденций – научная мистика, создание квази-религий. Роберт Монро усовершенствовал методики применения бинаурального ритма, создал программы для восстановления сна, снятие усталости, в некоторых случаях, боли. СИС, о котором вы упоминали, нечто вроде легкого гипноза, ничего особенного...

Алеша кивнул понимающе. Само собой, ничего особенного. И картинки Эшера, и оранжевые точки, и телеграмма в Никуда. Но спорить не стал.

– Монро не ограничился лечебными программами. Он заявил, что изобрел методику выхода в астрал, в какое-то «над-

Пространство», в мир чуть ли не духов.

– А-а... А это не так?!

Не то, что будущий историк Лебедев был твердым материалистом. Какой материализм в XXI веке! Но когда прямо тут и сразу!

Какую именно программу вы ставили Алексею? Надеюсь, не «Gateway Experience»?

– Это уже мистика, – Профессор вновь усмехнулся. – Как раз тот шаг, который превращает науку, пусть и сомнительную, в религию. Адепты Монро верят, что его методика позволяет не только выйти за пределы тела, но и жить вечно, общаясь с умершими, с духами, с высшими сущностями... Сложилась секта, настоящая Церковь Монро. Вот я ее и, так сказать, препарирую. Диски достал, чтобы изучить вопрос вплотную. Между прочим, сон действительно восстанавливает... Женья, конечно, не должна была ставить на вас эксперименты...

– Я не в обиде. Помогло же!

Алеша усмехнулся в ответ, откинулся на спинку кресла. Теперь можно и в глаза посмотреть – точку поставить. Правда, ни про картинку, ни про «телеграмму» Профессор ничего не сказал, не намекнул даже. Спросить? Или лучше Монро почитать?

– Это все, конечно, интересно, Профессор. Только вот... Вы про переворот говорили – мол, готовится. А я недавно кое-что видел, прямо у метро...

– Переворот – не обязательно танки на улицах. Такое сейчас только в Африке встретишь. А вот «ползучая» модель у нас работает. Знаете, как бывает? Начинают бороться, с террором, с коррупцией, с незаконными формированиями. С Десантом, например. Ограничение свободы слова, передвижений, печати. Само собой, временное... В таком деле очень нужны камикадзе. Вы, Алексей, так сказать, засветились, о вас начали говорить... Может, обойдется, но вероятно и какая-нибудь гадость. Вы человек взрослый, учить вас нечего. Только зачем влипать во всякое, извините...

– Да... Конечно... Профессор, я спросить хотел. Вы – философ, общественной психологией занимаетесь, разными культурами... В списке ваших публикаций есть две статьи про Ричарда Макферсона, английского путешественника...

– Шотландского. Англичан Ричард Макферсон не слишком жаловал. Тут, Алексей, не философия, даже не история. Скорее, элементарное чувство справедливости.

Дорожка 16. «Ой, у лузи червона калина». Исполняет хор имени Верёвки (3`03).

Гимн украинский сечевых стрельцов. «Маршируют наши добровольцы у кривавий тан – Україну рідну визволяти з московських кайдан»

Четверг, 7 августа 1851AD. Восход солнца – 7.47, заход – 17.02. Луна –Пфаза, возраст в полдень – 10, 6 дней.

Измерения, в том числе определение точки нахождения и высоты над уровнем моря, были вполне успешны. Тому способствовали чистое, истинно зимнее, ночное небо и безотказные инструменты. Мысленно я еще раз поблагодарил умелых мастеров и моих друзей, чьим рекомендациям я следовал при покупке снаряжения.

Ночное небо Южной Африки поистине невероятно. Долго не мог я притерпеться к непривычным созвездиям, к отсутствию путеводной Полярной Звезды и родных с детства Медведиц. Теперь же стало обычным искать Южный Крест между созвездий Центавра и Мухи. Я не слишком увлечен мистикой, но в том, что Крест осеняет именно Южное полушарие, определенно есть некий высший смысл.

Полярная звезда, столь роскошная в небе Шотландии, да-

же не показалась над горизонтом. Из всей Малой Медведицы рассмотрел я лишь маленькую звезду Тубан.

Юпитер, моя планета, вчера ночью был в созвездии Девы, между звездами Спика, Хизе и Аума. Я призвал его в свидетели свершившегося: моя работа закончена. Для полной убедительности необходимо произвести еще несколько измерений, но главное сделано.

Галилей воскликнул: «Она вертится». А что сказать мне? «Она – блюдце»? Плоское блюдце с приподнятыми краями? Ночью я чуть не закричал это, рискуя перепугать моих сонных спутников.

Центральная часть Южной Африки имеет вид плоского блюда с приподнятыми краями, обрывающимися к океанам. Внутри нее нет песчаных пустынь, поглощающих воду рек, как считалась прежде. Напротив, речная система центральной части Южной Африки весьма развита, земли покрыты лесами и травами и густо заселены.

Наиболее крупная река – Замбези. Севернее ее присутствуют несколько крупных озер, еще не виденных европейцами.

Перечитав сии гордые строки, я подавил невольный вздох. Открытие острова, целого континента, просто реки или озера, не нуждается в толковании. Но что нашел я? Едва ли даже грамотный человек, не знакомый с проблемами географии, сумеет меня сразу понять. Ричард Макферсон, шотландец из Эдинбурга, открыл южноафриканское «блюдце»... Пусть

так. Вместе с тем, рискну заметить, что африканские реки и озера уже тысячи лет ведомы людям. Их нынешнее «открытие» является таковым лишь для европейцев. А вот окинуть взглядов всю страну, понять, какова она пред ликом Господа, взирающего на Землю с Небес...

Гордыня? Гордыня, конечно. Юпитер, во всяком случае, глядел хмуро.

Мбомо, узнавший о причинах моей радости, деловито заметил, что теперь я имею не только полное право, но даже обязанность вернуться в Европу. Это так, «блюдец» мало стоит, пока о нем не узнают в Королевском Географическом обществе. Еще недавно мои планы входило именно завершение исследований и скорейшее их опубликование.

Однако же, ныне обстоятельства переменились.

Об этих обстоятельствах я вволю рассуждал весь сегодняшний день, восседая на невозмутимом Куджуре. Караван движется без особых происшествий, если не считать таковыми виденный нами львиный прайд, погоню нескольких негров за антилопой, завершившуюся полной неудачей гор-охотников, и встреченные прямо у дороги людские скелеты. Увы, не столь редкое зрелище.

Некоторые из виденных сегодня животных и птиц достаточно редки, например, лошадиные и черные антилопы. Впервые за долгое время заметил серых птиц-медуказчиков, кои характерными криками зовут к гнездам диких пчел.

Между прочим, Мбомо, чье знакомство с европейской ци-

визацией не было слишком приятным, советует по возвращении нанять безработного репортера, дабы тот за невеликую мзду написал книгу «Невероятные и опасные приключения в Южной Африки» со всем, что так любит читатель: описанием охот, боев с каннибалами, загадочных развалин и, конечно, страстных чувств местных дикарок. Мне же останется вставить точные названия рек, озер, деревьев и зверей, равно как популярное изложение истинных научных открытий.

Мбомо всегда отличался здравым смыслом и практичностью. Посему нимало не заинтересовавшись проблемой «блюдца», он в то же время прямо-таки зачарован страшным и загадочным зверем Керит-чимисет.

Наш трофей мы изучили досконально. Прежде всего, он подтверждает очевидное: некий крупный, неведомый науке хищник действительно существует. Насколько он тождествен легендарному Кериту, иной вопрос.

Слухи о Керите пока не достигли Европы, где предпочитают спорить о Морском Змее и чудище из хорошо мне знакомого озера Лох-Несс. Вместе с тем, в Африке, особенно вдалеке от побережья, о Керите знает почти каждый. Доктор Ливингстон даже составил со слов туземцев его описание. Воспроизвожу по памяти.

Керит своим видом и телодвижениями напоминает большого медведя (около 4-5 футов в плечах). Спина сильно поката спереди назад, поскольку задние ноги значительно

короче передних. Лапы стопоходящие, когти невтяжные и очень длинные (до двух дюймов и больше). Морда удлинённая, уши маленькие, хвоста нет или он незаметен. Ляжки и крестец зверя бесшерстны или покрыты гладким и коротким волосом. На ходу Керит косолапит. Очень опасен, нападает на домашний скот и людей, коих часто скальпирует (!).

Присутствие неведомого науке животного в глубинах Африки вполне вероятно. Но ещё вероятнее существование многочисленных сказок, специально сочиняемых неграми для доверчивых европейцев. Лично я не верил в Керита по наипростейшей причине. Судя по описанию, это какая-то разновидность африканского медведя. Не в том беда, что медведи в Африке не обитают, важно другое. Закономерность развития биологических видов проста: крупные особи на севере и мелкие – на юге. Африканский медведь должен быть куда мельче своего европейского собрата.

Теперь все сомнения разрешились. То, из чего сделан нож – не медвежий коготь. И если это останки Керита, значит, перед нами нечто совсем иное, однако, более чем реальное.

Мой Даймон, кажется, сполна оценил значение моих выводов о «блюде». Он даже добавил, что на севере находятся не только несколько больших озёр, но и уникальный по размерам водопад, именуемый местными неграми «Моси Оа Тунья», что означает «Гремящий Дым». Хотел бы я знать, откуда он, обитатель мира теней, черпает эти сведения! О звере Керит Даймон также слышал, однако же, в его суще-

ствование не верит. Он даже сравнил рассказы о Керите с баснями о каком-то «йети», оказавшимся, как выяснилось, человекоподобной обезьяной (!), живущей в Гималаях. По поводу же когтя Даймон предложил рассуждать в духе бритвы Оккама и не придумывать неведомых чудищ, которыми мир и так полон.

Между прочим, Даймон, поздравив меня с открытием «блюдца», первым делом посоветовал немедленно возвращаться, дабы, как он выразился, не искушать Судьбу.

Возможно, в этом он прав. Прав и насчет зверя Керит – в философском смысле. Но коготь конкретен и не допускает никаких метафизических толкований.

Таким образом, подтверждаются рассказы о том, что является второй и главной целью нашего путешествия – о стране Миомбо-Керит.

Дорожка 17. «Конармейский марш». Музыка братьев Покрасс, слова А. Суркова. Исполняет ансамбль Александрова. (2`18).

«Помнят псы-атаманы, помнят польские паны конармейские наши клинки». Великолепная песня в великолепном исполнении.

С Женей Алеша встретился почти что случайно. Искать – не искал. И зачем? О тайнах поспрашивать, выведать то, о чем Профессор умолчал? Картинки, огоньки, «телеграмма» опять же? Может, и стоило, только у Алексея после беседы с Жениным отцом исчез всякий запал. Не потому что неинтересно, напротив. Не надо сыщиком мистером Шерлоком Холмсом быть, без него ясно: только краешек ему, Алеше, приоткрыли. В жизни – настоящей, не той, что в кино, таинственного не так и много. А тут такое!

Интересно, слов нет. Только почувствовал Алексей: не его. Угодил, сам того не желая, прямиком в чужую жизнь. Там все без него сложилось – и у Профессора, и у Жени с Хорстом Die Fahne Hoch. Что могли, рассказали, на вопросы ответили. А дальше? Поменьше Алеше гордости, побольше наглости, может, и не отступился, пошел на приступ. Но не

смог, даже не хотел особо. Привык Алексей Лебедев на себя смотреть со стороны. Вот и посмотрел: неважно одетый очкарик, ни друг, ни родич, в кармане – блоха на аркане, на входной билет в «Черчилль» не хватит. Зачем такой Жене, даже если Игоря-Хорста за скобки вывести? А Профессору? Разве что в качестве подопытного кролика.

По поводу же политики, переворотов, секретов государственных, и говорить нечего. Таких, как он, только в статистах держат. Год назад позвали в палатках мерзнуть, сейчас в агитационные пикеты записывают, дабы господину Суржикову в парламентском кресле мягче сиделось. А чуть что даже не «спасибо» говорят, а «пшел вон!». Будет переворот, не будет, какая ему, Алексею Лебедеву разница? Экзамены отменят или декана в концлагерь отправят? Не беда, переживем.

Разве что в Десант записаться. Не возьмут – очками не вышел. Правда, Женю взяли...

Махнул Алеша на все рукой – и... И ничего. Все в жизни и так расписано. В шесть пятнадцать будильник, в восемь – первая пара, библиотека до шести вечера. А то, что после шести тоска подступает, не в первой.

Пару раз Варе на работу звонил. Один раз не поймал, потом дождался-таки, парой фраз перекинулся. Ничего особо-го не сказал – и ему не сказали. К тому слышимость никакая, коммутатор старый, чуть ли не довоенный.

Есть еще, конечно, Интернет. Только зачем? Разве что в

чат для судьбой обиженных записаться, к жилетке виртуальной поближе. Писем же Алеше никто не писал, зря только ящик зарегистрирован.

В общем, кисло было Алексею Лебедеву. И повадился он вечерами по улицам гулять. В центре, понятно, потому как чуть подальше враз без очков остаться можно. А на Сумской, где памятник Шевченко, красиво – и снег регулярно убирают. И на Пушкинской тоже, там свой памятник имеется – Ярославу Мудрому. Гуляй, витринами любуйся...

Шел Алеша по Пушкинской, туда-сюда смотрел. Глядь – улочка в сторону уводит, небольшая, но приметная, вся старинными особняками застроена. Пройдешь чуть дальше, там домик одноэтажный за литой чугунной оградой, в домике том – клуб «Черчилль»...

Вздохнул Алеша, отвернулся. И дальше двинул. Вот и следующая улица. Вместо особнячков – дома пятиэтажные, серые, эпохи первых пятилеток. И тут бывал. Если налево свернуть, метров через триста – институт, где художников готовят. В том институте Женя учится. Как и он сам, на четвертом курсе.

Подумал Алексей – и повернул налево. Возле института, помнил он, кафе имеется, так отчего бы чашечку кофе не выпить? Тем паче там не только «Якобс» растворимый, но и настоящий варят, на песке, по-турецки.

Дверь дернул, зашел, огляделся. Стойка, столики, за столиками – студенты, зашли после занятий взбодриться. Дым

сигаретный, непонятная музыка, такую в паршивых клубах играют.

...Не в «Черчилле» понятно!

А в самом углу, за столиком дальним – Женя.

* * *

Алеша не поверил сперва, снял очки, протер, на носу удобнее пристроил... Женя и есть, правда, очень грустная. И одна. Тому причин много найдется, только все равно странно. Спряталась от всех подальше... Может, уйти? К чему навязываться?

Но тут Женя сама его узнала. Прищурилась, кивнула. Это можно и приглашениям считать. Взял Алеша чашку кофе по-турецки, рядом сел:

– Привет!

Разговорить собеседника не так сложно. Даже шпионом быть не надо, не велика премудрость. Прежде всего тема. Что человеку всего интереснее? Он сам, понятно. Значит, с этого и начать следует. Еще лучше, если твоему визави выговориться охота. Только не спугни – и все секреты разом узнаешь. Сиди, кивай, поддакивай. За это и тебя после выслушают, чуткость проявят, любую «дезу» проглотят.

А говорят, будто у шпионов работа трудная!

– С отцом поссорилась... Знаешь, Алексей... Как тебя лучше называть, «Алексей» слишком уж...

– Как угодно. Только не с украинским акцентом.

– Ага. Цепочка ассоциаций? Я, знаешь, тоже. «Женей» меня отец... Профессор зовет, мне самой это имя не очень. «Иван» в женском роде.

– Тогда... Можно просто «Ева». В честь... Как там ее? Ева Коричневая? Которая фрау Шикльгрубер?

– Издеваешься? Между прочим, у отца есть знакомый призрак. Ее зовут как-то похоже... Ты что, с ним сговорился?

– С призраком? Конечно.

– Не стоит, Алеша... Алеша – сойдет? С призраками лучше не общаться, я это, увы, знаю. По собственному дурному опыту... Профессор... отец – странный человек. Другие только со стороны такие, пока ближе не познакомишься. А он – наоборот. Всю жизнь среди призраков блуждает, из-за этого и с мамой... Твои хоть нормально живут?

– Папа и мама? Не очень, если честно.

– Ага... Гнилая интеллигенция. Из-за этого я и в Десант вступила. Там все просто и понятно. Яйцеголовых всегда тянет к простоте и силе, правда? Когда настроение плохое, самоанализом занимаюсь. Мерзкое занятие, но иногда полез-

ное. Меня отец за Третий Рейх регулярно шпыняет. Увлекаюсь нацистской музыкой, фильмы Рифеншталь смотрю. Тебе, кстати, нравятся?

– Фильмы? Не очень. Скука, если честно. Адольф Гитлер садится в самолет. Адольф Гитлер смотрит в окно, на лице Адольфа Гитлера проступает забота о германском народе. Конец первой серии.

– Ты точно, Алеша, с Профессором сговорился. А мне нравится. Дело не в реальных наци, уроды они, тут и спорить нечего. Но им удалось создать Идеальный Мир. Песни, кинофильмы, черная форма, прожектора в ночном небе... Вселенная сильных красивых людей, мужчин и женщин. Чистая, отряхнувшая грязь и мерзость... А для отца мир – склеп с привидениями. Это тоже интересно, но жить там нельзя! Как он не понимает?

– А ты, Ева, не того? Не преувеличиваешь?

– Самую малость, Алеша. В склеп пока не забирались. Отец как-то сказал: «Все пути проложены. Осталась дорога в мир мертвых».

Дорожка 18. «Ой, у лиси на полянци». Авторы музыки и слов неизвестны. Исполняет группа «Орлы» (3`56).

Боевая песня Украинской Повстанческой армии.

Набрал полную торбу тайн, с плеч валится. Дальше что? Потому и тайна, что простого ответа недостаточно, комментарий нужен. А если некому пояснить? Спросишь о смысле жизни, а в ответ: «Сорок два».

Проводил Алеша, Женю – Женю-Еву – до метро, запахнул шарф, сунул руки в карманы. Вечер, люди спешат, агитаторы про очередного спасителя отечества песню завели.

Куда теперь?

О новой встречи договариваться не стали, даже не телефонами не обменялись. Понял Алексей – не в нем, не ему Ева жаловалась. Нет, ему, конечно, но не Алексею Лебедеву, а случайному знакомцу. Выговорилась, домой поехала. Не к отцу – к матери. С Профессором явно разладилось.

Пошел Алеша по улице, вдоль трамвайных путей, мысли в ровные ряды выстраивая, словно оранжевые точки на черном экране. Не все Профессор рассказал – это ясно. И шутка с «телеграммой» в пространство мировое, может, и не шутка

ка совсем.

Адепты Монро верят, что его методика позволяет не только выйти за пределы тела, но и жить вечно, общаясь с умершими, с духами, с высшими сущностями...

Или они просто психи? Профессор, дочка его, Хорст Die Fahne Hoch? Еще одна секта, вроде Церкви Монро? Пример изменения сознания в кризисные эпохи? Кто тарелки летающие ловит, кто с призраками общается. Все дороги открыли, к мертвякам лишь ходу нет!

Поглядел Алеша вверх, в черное ночное небо, тучами покрытое. Давно звезд не видел, трудно это в большом городе. В детстве увлекался, в телескоп смотрел, учился созвездия различать, на физический факультет поступать думал, на отделение астрономии. Математика отпугнула. Не силен Алексей в цифрах, а без них астроному никуда.

Была у Алеши мечта: Южный Крест увидеть – тот, что в северном полушарии только в атласе найдешь. Поехать в Южную Африку, на берега Замбези, ночи дожждаться. Южный Крест, рядом – Центавр и Муха... Давно Алексей о своей детской мечте не вспоминал. Вспомнил – и только хуже стало. Замбези! Если бы... Скорее, в царство мертвых попадешь, туда ни визы, ни командировочных не требуется, билет же всегда выписать могут, хоть за ближайшим углом.

Правда, с призраками все проще может быть. Поссорилась Ева с предком и выразилась фигурально. В мире фантазий, мол, живет, на близких внимания не обращает. А при-

зрак с именем похожим – старая знакомая, с которой Профессор переписку ведет. Почему бы и нет?

«Все пути проложены»

Проложены... Простите, куда? Или тоже – фигурально?

Алеша понял – не раскусить орешек. Опять-таки, не его это дело, не его жизнь. Даже в профессиональном смысле. Будущему историку следует не призраков изучать, а конкретную действительность. Тот же Десант, в котором все просто и понятно. Прожектора в ночном небе... Над концлагерем, что ли?

Прикинул Алексей что к чему, на часы взглянул – и направился к ближайшему интернет-кафе. Все интереснее, чем без толку бродить по улицам. А так и польза может быть. Наберет материал, реферат изваяет для спецкурса «Политические партии современной Украины». Приятное – с полезным.

Про Десант Женя-Ева ничего толком не рассказала. И не надо, не шпион же он, демократ Алексей Лебедев.

Сам узнает!

* * *

Искать в Сети Алексей давно наловчился. «Помойка», конечно, но и в навозной куче жемчужные зерна попадают, не врет классик. Тем паче писали о Десанте немало – и не всегда ерунду. Вопли про «грядущие погромы» и «новое из-

дание черной сотни» вкупе с обращениями недобитых правозащитников в Генеральную Прокуратуру пропустить можно. Никто на обращения не реагирует, «погромщиков» не ловит. А вот про интернаты уже интереснее.

Прежде Алексею только заметки попадались. Приехали, мол, brave парни из Десанта в такой-то интернат или детский дом, подарков навезли. Теперь – целая статья. Раскопал глазастый и памятный журналюга, что в начале 90-х, когда еще волны от распада Державы плескались, несколько ветеранских организаций взяли шефство над самыми нищими интернатами и детскими домами. Сначала над двумя, потом сразу над десятью. Благое дело – и не столь редкое. Только обычно все подарками ограничивается, ремонтом в крайнем случае.

Здесь – иначе. Среди детдомовского начальства много всякой сволочи попадается. Когда тушенку со сгущенкой воруют, когда питомцев педофилам продают. Убивать бы таких, только некому. А тут нашлись. Убивать – не убивали, но за пару лет все десять директоров с должностей слетели. Новых уже шефы назначили, а заодно и преподавателей с воспитателями перешерстили на корню, своими людьми разбавив. Надбавки к жалованию опередили, причем немалые.

Тут бы журналисту удивиться. И такое возможно, но это уже не подарки с ремонтом. Средства откуда? Оттуда! Мелькал там и сям некий фонд. Названия разные, но речь вроде об одних и тех же деньгах. Чьих, конкретно – непонятка

полная. Не раскопать, не увидеть, не пощупать.

Фонд-хамелеон и ныне здравствовал, числясь под именем «Финансы-инвест-А».

Лежала бы перед Алексеем газета, он тут же название бы подчеркнул – тремя красными чертами. Видел уже! Встречал – только не в связи с Десантом. Эх, память, дырявая! Ничего, файлы в домашнем компьютере собраны, за ночь проглядеть можно.

Что же получается? Получается, что Десант не только настоящими десантниками пополняется, теми, кто в армии отслужил, не только гнилыми интеллигентами вроде Жени-Евы. Детдомовцы для Десанта – как сыновья полка. После детского дома куда пойдешь? Едва ли мимо проволоки лагерной. А зачем туда, если можно повязку с «крылышками» надеть?

Закрыв Алеша файл, флешку спрятал. Хватит на сегодня, и так всего много. В ящик почтовый заглянуть? Так не пишет никто, словно тому полковнику. Никто не пишет, никто не ждет. «Холодная война, и время, как вода...»

Алексей полез обратно в карман – за флешкой, но доставать не стал. Нечего записывать, не спам же, что ему кидают! Ладно, поглядим...

Пока Алеша логин набирал, пока с паролем возился, озарение на него нашло. Маленькое, но приятное. Вспомнил! «Финансы-инвест-А» в другой статье поминались. Там речь о крикунах из «Отечества и порядка» шла. Точно? Точно!

Законы мы изменим, депутатов посадим, а на адвокатов охоту объявим.

Можно не удивляться, что Десант крикунов охраняет. Своя своих познаша.

А это чего? Письмо? Письмо!

* * *

"Лебедеву Алексею Николаевичу.

В связи с ухудшением политической обстановки в стране назначаетесь руководителем областного подполья. Вам присваивается рабочий псевдоним «товарищ Север».

Ваш Юго-Восток. № 44".

ИЗ ПРИВАТНОЙ ПЕРЕПИСКИ-3

Очень рад, что мы наконец-то начали. Хрестоматийное состояние в духе Наполеона, когда вино уже налито, и ты понимаешь, что надо пить, не из самых приятных. В 1916 году русской армии был дан приказ перейти в наступление, но двое командующих фронтами, перенервничав, просто отказались его выполнить. Ясность и определенность боя спасительна. Вместе с тем, следует понимать, что, начав, мы должны идти до конца. «Relentless, ruthless and remorseless» – «без остановок, без пощады, без раскаяния», как верно заметил первый лорд адмиралтейства Джон Фишер.

Адмиралтейство помянуто не всуе. Предлагаю наше виртуальное подразделение назвать просто «Эскадра» – в значении, которое я уже поминал. Действовать оно должно именно «по Фишеру», чтобы сразу же снять все сомнения в наших возможностях. Вспомните, насколько неудачно выглядела попытка России заставить замолчать сайты чеченских сепаратистов. А ведь мы вступаем в бой на поле, которое противник считает своим. Более того, наш первый «поход» станет не только пробой сил, но и своеобразной «моделью» всей будущей кампании.

Хочу обратить Ваше внимание (так и тянет написать «просвещенное», уж извините) на важное заблуждение, характерное для нынешнего состояния умов. Я имею в виду

самое настоящее преклонение перед спецслужбами, охватившее буквально всех: и людей государственных, и богему (Голливуд!) и простого обывателя. Причины понятны. Постоянные конфликты, угроза террора и смутное предчувствие будущей катастрофы заставляют искать пресловутую «сильную руку». Армия в ее классическом виде скомпрометирована в полной мере. Генералам не верят, считая (справедливо или нет, иное дело), что они способны провалить любое дело. Более того, не без помощи известных нам кругов армию повсюду обвиняют в претензиях на власть. Зато спецслужбы совершенно незаслуженно заработали невероятный авторитет.

Образ агента-одиночки (или небольшой группы таких), регулярно «спасающего мир», превратился в клише. В сознание буквально вдалбливается стереотип «сильного» сверхчеловека, способного победить, когда все прочие пасуют. В глазах обывателя спецслужбы превратились в некую касту – всеведущую, всемогущую, непобедимую.

Кому выгодно такое представление, очевидно. Нам же ни к чему поддаваться этому «нескромному обаянию». Практика последних лет показала: нигде и никогда спецслужбы не смогли предотвратить удары по собственному государству. Причина этого не только в очевидной некомпетентности, но и в ней тоже.

В условиях «свободного мира» невозможно избавиться от господства классической бюрократии, которая, во-первых,

не слишком понимает дело, а, во-вторых, рискну повториться, блюдет главным образом не государственные, а СВОИ интересы, личные и корпоративные. Рядовые исполнители (те самые супермены из фильмов Голливуда) могут быть выше всяких похвал, но что толку? На каком-то этапе все их успехи сходят на нет – прежде всего из-за позиции руководства. После того, как упали небоскребы-Близнецы, президент Буш заявил, что главная ошибка спецслужб – в отсутствии координации действий, когда каждое ведомство не спешило делиться «добычей» со службами-конкурентами. Это верно, но еще хуже, когда интересы руководства разных «бюро» начинают прямо противоречить целям страны.

В России издавна знали: все заговоры и покушения подготовлены жандармами. Истинная правда, но отчего только в России? Гармония между спецслужбами и государством возможна только в здоровом обществе. Таких примеров мало, могу вспомнить разве что Великобританию викторианской эпохи.

Реален и другой вариант: постоянное насилие, «подсистема Страха», держащая спецслужбы в крайнем напряжении, не давая самовольничать. Сталину удалось укротить НКВД и сполна использовать его возможности в годы Второй мировой. Но страха хватает ненадолго, чему примером тот же Сталин, к концу своей жизни фактически потерявший над спецслужбами всякий контроль.

В «демократическом» мире невозможно расстреливать

наркомов каждую пятилетку. Иные же методы не столь эффективны.

Вывод? Мы его уже сделали. В больном обществе спецслужбы тоже больны. Поможем им в этом. Вседозволенность ходит за руку с продажностью, кроме того многие Джеймсы Бонды искренне ненавидят и презирают помянутую «демократию» и ее носителей.

Что нам и требуется.

Противостояние с этим противником меня не слишком заботит. Куда более волнует медленное продвижение на главном направлении. Я категорически против любого вмешательства в человеческий мозг, даже если это «просто» чип. Невинной лоботомии не бывает. Поэтому меня здорово смущает наша «группа добровольцев». Вспомните, чем кончились первые эксперименты с Q-реальностью Джека Саргати. «Туда» легко уйти, вернуться куда сложнее. Кроме того, мы рискует потерять над «добровольцами» всякий контроль. В строгом смысле слова они уже не совсем люди. Сравнение с «протезом» некорректно – деревянная нога и «лишняя» деталь в мозгу все-таки разные вещи. Что поделаешь? Творец заботливо заблокировал невероятные возможности, которые сам же вложил в Свое создание. Сейчас в нашем распоряжении всего несколько процентов «мощности». Если получится довести ее хотя бы до половины, можно считать, что Человек победил. Но – без чипов!

Ваши жалобы на современную дегенеративную культу-

ру мне понятны и близки. Но тоталитарная эстетика, та же национал-социалистическая, ничуть не лучше. Знаю по собственному невеселому опыту. С другой стороны, какую «культурку» Вы хотите предложить народу? В советскую эпоху людей закармливали классикой (хорошей классикой!) целые десятилетия. Результат? «Культурка» – прежде всего зеркало, отражающее тех, кто в него смотрит. Мне кажется, возможно лишь постепенное «отсечение» крайних проявления помянутой Вами дегенеративности. Требуется медленная работа, а не отдельные, пусть и эффектные акции.

Но по большому счету, вы правы. Совершенно не могу слушать радио, о телевизоре и говорить нечего. Спасаясь записями, собираю шестой CD-диск. Кстати, я вовсе не глобальный поклонник ретро, просто среди современного «мусора» не так легко найти нечто приличное.

В списке еще не найденного есть несколько песен-загадок. Не помню ни названия, ни исполнителя, ни слов, осталась слабая тень, отзвук когда-то слышанного. А так хочется услышать вновь!

CD-ДИСК 2. «X-FILES».

Дорожка 1. «The X-Files theme».

Композитор Марк Сноу (3`56).

В комментариях не нуждается.

Пятница, 8 августа 1851AD. Восход солнца – 7.45, заход – 17.04. Луна –Пфаза, возраст в полдень – 11, 5 дней.

Дневной путь оказался весьма непродолжительным. Уже к полудню мы достигли пределов большого селения макололо, будучи извещены об этом лаем десятков остроухих псов, выбежавших навстречу каравану. Без особых происшествий мы проследовали по единственной, хотя и широкой улице к центру, где и остановились. Вскоре я узнал, что в путь караван тронется не ранее завтрашнего утра.

Причина неожиданной дневки вскоре совершенно изъяснилась. Часа в три пополудни на площадь, где мы расположились, вступила целая колонна, сопровождаемая вооруженной копьями охраной. Такое уже приходилось видеть, и не раз, на сердце все равно замерло. Невольники! Не менее трех сотен, по преимуществу женщины и дети, все – почти голые, более половины в тяжелых деревянных колодках, сквозь которые продеты шея и руки.

Итак, наш хозяин, мистер Зубейр Рахама, не оставляет

свой промысел, выражаясь на языке янки, «бизнес». Как я понял, остановка связана еще и с тем, что невольники, как прежде купленные, так и приобретенные в селении, будут отправлены с охраной в один из портов восточного побережья. Мы же двинемся на север за новой добычей. Надвигается война, и мистер Зубейр рассчитывает на богатый улов.

Наблюдая за сотнями несчастных, волею злой Судьбы и злых людей потерявших дом, близких, родину, а в ближайшем будущем, весьма вероятно, и самое жизнь, я испытывал непростые чувства. Да гуманность вопиет. Моя душа, душа человека, пусть и несовершенного, но все-таки свободного общества, полна глубокого возмущения, даже гнева. Тщетно успокаивать себя мыслями, что черных невольников не менее цинично продают на аукционах в цивилизованных Северо-Американских Штатах, а доля фабричных работников в Англии и моей родной Шотландии не многим завиднее.

Есть, правда, иной аргумент, куда более серьезный. Попавшие в плен принадлежат к враждебному племени. Если бы победа досталась им, точно так же на главной площади продавали бы рабов, но уже других. Здешние обычаи и традиции ничуть не гуманные европейских.

Поневоле начинаешь испытывать презрение и даже ненависть к сочинителям «африканских» романов, где высшей доблестью героев является отстрел беззащитных зверей и «диких негров», остальные же страницы посвящены описанию красот природы и поискам разного рода реликвий и со-

кровищ, чуть ли не копей царя Соломона. Так и хочется увидеть этих писак с деревянными колодками на шее!

Красная земля миомбо и вправду одно из лучших созданий Творца. И на этой красной земле сейчас сидят в ожидании бедственного пути в никуда сотни Божьих образов и подобий. «Видел я зло под солнцем», – изрек Соломон, сын Давидов.

Преподобный Ливингстон в одной из наших бесед решительно заявил, что будет лично (!) освобождать всех встреченных им невольников, используя авторитет правительства Ее Величества, а если понадобится, и вооруженную силу. Порыв благой, осталась лишь пожелать ему удачи.

Вместе с тем, проблема рабства негров не так проста. Об этом мы неоднократно беседовали с Мбомо, знающем о рабстве не понаслышке. Сегодня беседа наша была продолжена и привела к неожиданным выводам.

Отмечу вначале, что Мбомо – личность непростая. С немалым трудом уговорил он меня называть его в присутствии иных европейцев «службой». На мой решительный отказ, он не без смеха заметил, что должно считаться с предрассудками диких племен. Возразить было нечего.

С Мбомо мы дружба уже много лет, еще со времен путешествия по джунглям Судана. Надеюсь, при всем его презрении к дикому племени европейцев, Мбомо делает некоторое исключение для своего друга Рича.

Мбомо добавляет: «И для доброго доктора Джо». Ливинг-

стон ему тоже пришелся по душе.

Определенно знакомый с рабством, Мбомо должен, казалось бы, с понятным чувством относиться ко всему, что имеет отношение к торговле людьми. Работоторговцев он и вправду ненавидит, но еще больше не любит тех, кто непосредственно продает невольников. Это не только местные вожди. Женщина, продавшая дочь мистеру Зубейру, сделала это без всякого принуждения, причем, явно не умирая с голоду. Между прочим, сегодняшние невольники – такие же точно макололо, как и те, кто их пленил.

Но даже не это главное. Мбомо неоднократно спрашивал меня: «Что бы делали с пленниками, если бы их НЕ продавали в рабство?» Ответ слишком очевиден. Невысокие здешние урожаи и постоянный падеж скота из-за мухи цеце приводят к изрядному переизбытку населения. Это странно слышать тем, кто видел Африку лишь на географической карте, но сие действительно так. Негрские племена воюют часто, не столько за добычу, сколько за землю, необходимую для сельскохозяйственного труда. Люди НЕ нужны. В случаях, когда рядом не оказывается невольничьего каравана, их судьба predetermined.

Мбомо идет в своих рассуждениях еще дальше. По его мнению, многовековая работоторговля, начатая еще арабами, спасает Африку от худшего – перенаселения, кровавых междоусобиц и голода. Избыток людей регулярно изымается, причем гибнут далеко не все.

Я не знал, что ответить. Кажется, Мбомо слишком увлекся идеями преподобного Мальтуса, о коих я как-то ему поведал. Признать благотворность рабства, которое веками забирает у Африки сотни тысяч, если не миллионы, ее сыновей и дочерей, не могу. Вместе с тем, мне хорошо известна страна, где в свое время люди были тоже НЕ нужны. Это наша Британия, уничтожившая свое крестьянство в правление Тюдоров, когда овцы съели людей. Примечательно, что первые рабы, которых Англия отправила в колонии, были не черные, а белые. Не испанцы, не бунтовщики шотландцы, не ирландцы даже – англичане.

Виденное и слышанное сегодня напрочь отбивают охоту к описанию разных мелких происшествий, равно как встреченных по дороге животных и растений. Начинаешь думать о том, КОМУ понадобятся наши открытия, наши с таким трудом составленные карты. Кто пройдет по просторам южноафриканского «блюдца», следуя моему маршруту? Работоторговцы? Гренадеры Ее Величества? Янки со своим «бизнесом»?

Даймон, не иначе проявив мистическую чуткость, не беспокоил меня сегодня. Я был ему за это весьма благодарен, но ближе к ночи начал волноваться. Поистине странно – волноваться за того, кто уже находится в мире духов! Однако, это так. Кто ведает, какие испытания ждут нас за роковой неизбежной чертой?

Вспоминая наши беседы, я внезапно пришел к странно-

му, даже невероятному выводу. Мой Даймон, судя по всему, считает умершим отнюдь не себя, а, как это ни дико, меня (!!!). Не ведаю, что могло послужить основанием для такого заблуждения. Поистине даже духи не всеведущи.

Дорожка 2. "Gladno srdce («Hangry Heart»). Эмир Кустурица и «The No Smoking Orchestra».(3`48).

Из саундтрека к фильму «Жизнь как чудо». Знатоки до сих пор спорят, много ли потерял Кустурица, поссорившись с Бреговичем. Но эта вещь в любом случае хороша. Очень выразителен женский голос.

Плачет девушка, всхлипывает, слезы вытирать не пытается. Тушь на ресницах потекла, на щеках черные пятна, которое на левой – размазано, клякса кляксой.

– Ой, кто же я тэпэр, Алеша? Кто ж я...

Вокруг люди, полна остановка. Трамвая давно не было, хотя и час пик. В сторону не отойдешь, мокрый снег всюду. С утра потеплело, заскользили подошвы по мокрому льду.

– Алеша, Алеша...

Как утешить? В кресло не усадишь, воды не поднесешь. Даже не обнимешь, неудобно среди людского наплыва. Со стороны глянут, сразу решит: обидел студент очкастый девушку, довел чуть не до истерики. Сразу видно, интеллигент!

Район рабочий, не жалуют здесь очкатых умников. Смена закончилась, трудящиеся домой едут, трамвая нет, все злые, усталые.

– Алеша, может мэни с города уехать? Тильки куда? Знову в Тростянец? А там що?

Плачет Варя. И как помочь?

Мобильный телефон Алексей включал редко. Звонили ему раз в месяц, не чаще, к тому же риск – купил с рук, модель старая, хоть в музей сдавай. Литиевые батареи, и то спасибо, заряжается без проблем. А с SMS-ками беда. Так что работала мобила в режиме почти одностороннем. Включил, позвонил, снова выключил, порадовавшись, что работает.

А тут словно чувствовал – перед второй парой кнопку нажал, блокировку клавиатуры поставил, спрятал во внутренний карман. И надо же – как раз после третьей Варя позвонила. Впервые, кстати. Номер Алесиной мобилы у нее имелся, но только на всякий пожарный, потому как дорого. Алексей сам ей звонил – на фабричный коммутатор. «Третий цех, пожалуйста...» Поэтому сразу понял, пока телефон доставал – пожар, не иначе. Тем более, в ссоре они. Значит и вправду, припекло.

Встретились на трамвайной остановке. Рельсы налево, рельсы направо, за дорогой – склон, поросший редкими соснами. Почти парк. Летом там хорошо: белочки бегают, дух смоляной всюду. Остановка же самая обычная – будка, чугунные скамейки, даже в жару не сядешь. И народищу полно.

Тоже странность, между прочим. Варя на остановках свидание не назначала. Просто говорила: «Приходи, сегодня вильна». Гулять иногда гуляли, конечно, не зимой же по го-

лоледу!

Как ни спешил Алеша, Варя все равно раньше пришла. Его увидела – плакать стала. Почти не прячась, в голос.

– Зробы что-то, Алеша! Я же теперь жить не смогу. Я ж грязная, хуже шлюхи!..

В первый миг Алексей растерялся, понять не мог. Мысль дурацкая мелькнула: из-за сережек все. Повелась Варя на золотых колечках, сейчас денег просить станет. Глупость, конечно, только из-за этой глупости они уже поссориться успели.

Обнял ее Алеша, чужие взгляды проигнорировав, прижал к груди. Варя словно ждала – ткнулась мокрым носом ему в ухо.

– Алеша... Яка я дура, Алеша!

* * *

– Начальник мий, хач поганий. Денег не дал, обещал только. Мы ж с ним до этого тильки у кабинете, а тут говорит – домой ко мне идем. Свято, говорит, у него, праздник. Приходи, погуляем. До меня брат мой заглянет, он – вэлыка людына, в милиции служит. Я, дура, взяла и пришла. Думала, даст денег, обещал ведь ...

Всхлипнула Варя, вновь холодным носом уткнулась. Алеша поглядел вверх, на серые тучи, погладил девушку по грязной щеке. Затем не удержался, взглядом по ее уху скользнул.

Нет сережек, только дырочки знакомые.

– Они оба пьяные были. Им же, хачам, пыты, вроде как, нельзя, а они все одно пьют. Потом третий пришел, тоже хач, у формы милицейский. С братом начальника разом служит. Я уйти хотела, испугалась, а они дверь заперли. Говорят: не выпустимо, прямо тут лягай...

Дернуло Алешу, болью ударило. Ясное дело, дура она, Варя, думать надо, к кому в гости ходишь. Но разве в том дело? Варя – его девушка, он же...

– А мент, который брат його, грозить стал. Без прописки останешься, я швидко устрою, у меня все схвачено...

Странное Алеше вспомнилось – ни к месту, не ко времени. В Днепропетровске дело было, в школьные годы. Зашел как-то Алеша на кладбище, у бабушкиной могилы убраться. Осень, листья нападали, отец как назло опять в запое... Алеша помахал веником, поставил две астры в стеклянную банку – и обратно пошел. Дорога через главную аллею вела, где большое начальство вкушало вечный покой. Как раз угадал: похороны, да не простые. Оркестр медью гремит, высокий чин с деревянной трибуны слова прочувственные из пуза выдавливает. Толпа – почти все в форме, знакомой такой. Наша служба и опасна и трудна!

Все как обычно, если бы не самосвал. Прямо тут стоит, на аллее. А в самосвале кузов чем-то серым полон. Пригляделся Алексей: бетон. Не поверил сперва, головой помотал. Зачем бетон на похоронах? Потом сообразил, охнул...

Не выдержал, к дядьке-могильщику подошел. Тот в сторонке стоял, смолил папиросину – ждал, пока начальство выплачется. Кивнул Алеша на самосвал: в чем, мол, дело?

Могильщик понял, усмехнулся криво:

– Гадов всегда заливают. Не встанет, так выкопают.

Покосился на дядьку Алеша. То ли шутит, то ли нет, поди пойми. Может, шутит, только машина с бетоном – точно всерьез.

Долго у Алеши самосвал стоял перед глазами. Потом стерлось все, ушло, а сейчас вспомнилось.

– Я ж теперь, Алеша, хуже шлюхи. Они ж со мной всё робы. Представляешь, всё! Уси трое! А потом сказали, что ще меня покличут и тогда денег дадут, если я на все згодна буду. А начальник, хач вонючий, смеется. Нам, каже, понравилось, а тебе? Иди, умойся! Умылась я, Алеша...

Закрыл Алексей глаза, словно в черную ночь ныряя. Только не темно там было: увидел он Варино лицо. Не в слезах и грязи, а счастливое, спокойное. «Малю-юня! Мой малюю-юня!»

Самый страшный гнев – гнев бессилия. Ничего не исправишь, никого не спасешь, даже не отомстишь...

«Гадов всегда заливают». Эх, бетона бы!

* * *

– Ты только ничего не робы, Алеша, не связуйся с ними. Я

тебе рассказала, потому как некому, а мне плохо, так плохо! Может, справди домой вернуться? Мени начальник обещал, что в магазин устроит продавщицей, у него знакомых в фирмах разных полно. Или в кахве какое. А його брат, милиционер который, говорят, над наркотиками главный...

– В смысле? Наркоманов ловит?

– Ой, Алеша, ты прямо как дытына. Наркотиками они торгуют. И через цыган, и через аптеки. Или не слыхал? Цэ – страшни люди, хуже банды. Я тебе рассказала, но ты ничего не робы, Леша, не звязуйся. И я мовчать буду, никуда мне не деться, не хочу в Тростянец повертаться. Що я там буду делать, шлюха пидтоптана? Плохо мне, Алеша, пожалий, пожалий...

Дорожка 3. «Профессионал».

Эннио Марриконе. (5`06).

Из саундтрека к одноименному фильму. Смертник идет по пустыне, а впереди нет ничего, кроме мести, мести, мести...

Алеша набрал в поисковой системе «Как убить мента», за «мышь» поудобнее взялся. Ищем? Пальцем на левую клавишу нажимая, спохватился: почему именно мента? Начальничка бы Вариного перво-наперво ущучить, а лучше всех сразу, оптом.

Ладно, что там преложат? Ищем!

Экран моргнул, подумал секунду-другую – и результат выдал. Вздохнул Алексей: точно, в стране советов живем. Вон, сколько подсказчиков!

Читать? Стоит ли?

В интернет-кафе народ битком набился. Вечер, но не поздний, самое время в Сеть заглянуть. Повезло, не пришлось долго ждать, почти сразу место освободилось.

Сюда, в знакомую «точку», что совсем рядом с университетом, Алексей Лебедев и отправился, после того, как Варю до знакомого общежития проводил. Куда еще идти? Не в пустую же комнату, чтобы волком там выть?

За окном – тьма холодная, к ночи подмораживать нача-

ло... Поглядел Алеша по сторонами, задумался. Интересно, что люди в Сети ищут? Наверняка что-нибудь невинное вроде реферата по истории Украины. Но кто знает, чужая душа – потемки. Кому мента убить, кому доцента зарезать...

Ну, что там?

Особой наивностью Алексей Лебедев не страдал. Как раз в меру для двадцати лет и неоконченного высшего. Понимал: никого не убьет, даже пытаться не будет. Потому что не сможет, а сможет – поймают. Сразу и без разговоров. И что за дурь – вендетту устраивать? Если Варя за какие-то сережки... Тоже не вчера родилась!

И все равно – гадко. Словно его самого, Алексея, в дерьме вывалили и сверху сапогами прошлись. Как те парни из Десанта. Только возле телецентра, считай, глупость вышла, а здесь... И здесь – глупость. Дура Варя, сама виновата!..

...Купил бы ей сережки, глядишь...

Поморщился Алеша, тоскливые мысли отгоняя. Вон, как все просто – тысяча и один совет насчет ликвидации стражей правопорядка! А если про Президента спросить? Только без пользы все, даже если всерьез. Всерьез – это снайперская винтовка, «адская машина», пистолет «Макаров» хотя бы.

Оружие – настоящее, боевое, Алексей Лебедев за всю жизнь держал в руках раз десять, и то на военной кафедре. Именно держал – стрелять довелось лишь однажды. Не попал, понятное дело. Таких не берут в руководители областного подполья!

Вновь поморщился Алексей, скривился. Шутят же, идиоты! Вчерашнее письмо задавил сразу, только по привычке глянул на обратный адрес. Мог не трудиться – вместо адреса непонятно что, не с ящика посылали. Само собой...

Письмо стер – и не вспоминал почти. Что вспоминать? Все вокруг есть, подполья не хватает. «В связи с ухудшением политической обстановки в стране...» Она, обстановка, уже пятнадцать лет только и делает, что ухудшается!

Пробежался взглядом «товарищ Север» по разноцветным строчкам, очки снял, протер. Чушь! Половина – цитаты из книжек, половина – вопли с форумов. Или шуточки. Что, мол, подумаешь, если с утра убитого мента увидишь? Хорошо день начинается, подумаешь.

Смешно. Ха-ха – три раза.

Ничего ему не сделать – и Варе никак не помочь. Домой, в Тростянец, не хочет, значит, придется вновь мерзавцев ублажать. Может, вправду на сережки расщедрятся!

Будь он и в самом деле вождем подполья! «Гадов всегда заливают»... Не встали бы, не выбрались!..

Алеша понял – лучше не думать, а если думать, то о другом. Отвлечься бы, мозги занять, только чем? Новостями разве что. Набрал адрес, который первым вспомнился, подождал, пока монитор моргнет...

Когда настроение плохое, новости лучше не слушать и не читать. Все кажется: дурью мается народ. Дюжина партий на «Отечество и Порядок» в суд подает неясно за что. Заявление недодавленных правозащитников – тоже про «Отечество и Порядок». Здесь уже понятнее: оболгали бедных борцов за права, оклеветали аккурат в прямом эфире, заграничные гранты помянув. Не просто, с адресами, с цифрами. Нацизм в чистом виде!

Хмыкнул Алеша, от бед отвлекаясь. Что правозащитники, что нацисты. Им на истфаке давно объяснили: за всеми, что с краю, охранка стоит. И за черносотенцами, и за большевиками...

И этих бы... залить. По макушку самую!

Дальше – скучнее. Выборы-швыборы, провокации-диффамации. У трех сотен кандидатов судимости не сняты, еще полсотни в преступных группировках верховодят...

Депутат, вор и продажный мент – враги народа!

Вздыхнул отставной демократ Алексей Лебедев. Правда! Если подумать, на хрена стране парламент? Не для демократии же, в самом деле. Если же еще подумать, ответ дать можно: бандитов от тюрьмы «неприкосновенностью» спасти, деньги за лоббирование грести... А если парламент в самом деле разогнать, а депутатов на нары отправить? Что

будет? Ясно что: всеобщая народная радость. Только Европа вздыбится, того и гляди направит скорострельных миротворцев.

А это что? Никак мента замочили? Точно! «Убит полковник милиции...». Надо же, не испугался кто-то! Журналист-злодеи, правда, подсказали: не в профессиональной деятельности убиенного дело. Крышевал полковник наркоторговлю в целой области. Врут, понятно, вот и опровержение – только что из пресс-центра МВД.

Дернул Алеша щекой. И вправду, не побоялся кто-то.

Завтра мы опубликуем список аптек, где торгуют наркотиками. Все они – под ментовской «крышей».

Интересно, опубликовали?

А про Десант есть? Есть, как не быть! В детский дом приехали, подарки привезли. И... С милицией подрались? Храбрые, однако, фашики! Ну, это в Донецке, там все отморозки, того и гляди, за пулеметы возьмутся.

Остальное – вовсе неинтересно. Кит в Темзу заплыл, австралиец зарегистрировал брак с самцом кенгуру, в Интернете паника... Чего-о?

Оглянулся Алеша, по сторонам посмотрел. Где паника? Сидит народ у мониторов, работает. Значит, не во всей Сети, погорячились репортеры.

И вправду, не во всей. Зато на порносайтах, особенно тех, что для педофилов – беда. Уже вторые сутки идет погром, такой, что прячясь. Ничего не помогает, ни антивирусы, ни

вопли про священную свободу информации. Бьют – не жалуют. Уже в Европарламент жалоба пошла – в защиту прав священных педофилов.

Перечитал Алеша заметку – удивился. Есть у него на курсе приятель, Саша Лепко, великим считается докой по части всего компьютерного. Как-то завелся народ по поводу порносайтов, особенно которые для извращенцев. Истфаковцы – народ суровый, не даром их в демократы редко берут. Здавить подонков – и точка! Тогда Саша и пояснил обстоятельно, почему серьезный сайт уничтожить нельзя. Заткнуть можно, но ненадолго. Иначе бы сайт Билла Гейтса и часа не проработал.

Основательно рассказывал Лепко, с примерами. Убедил. Вдохнули суровые ребята с истфака, помянули товарища Сталина. Вовремя, молодец, кибернетику топтать начал, жаль до победы не дотоптал!

Выходит, сайты давить все-таки можно? Или вирус новый выродили? Особенный?

И еще заметил Алеша: первых делом снесли русскоязычные сайты, потом лишь за прочие взялись. Ой, молодцы!

* * *

– Мама, я по мобиле звоню... Да-да, все в порядке, в полном порядке! Нормальный у меня голос. Ничего не случилось! А ты как? А папа? Опять?! Мама, скажи ты ему, ска-

жи, не молчи!..

Дорожка 4. «Makhnovshina».
Предполагаемый автор
– Этьен Рода-Жиль.
Исполняет неизвестная
французская рок-группа. (2`55).

Песня французских анархистов на мотив «По долинам и по взгорьям». Возможно имела украинский «прототип» – в слове "Makhnovshina" ударение ставится на предпоследний слог. «Шли деникинцы лавиной, собирались аж в Москву – все их войско махновщина покосила как траву».

Суббота, 9 августа 1851 AD. Восход солнца – 7.43, заход – 17.06. Луна – Пфаза, возраст в полдень – 12, 5 дней.

Отбытие наше откладывается, по меньшей мере, на завтра. День сегодняшний был посвящен сбору и отправке каравана невольников на юг. Его поведет один из арабов, помощников мистера Зубейра. Наш хозяин доволен: страшный «улов» обильный, как никогда, причем достался за невысокую цену. Беспокоит Рахаму лишь возможное нападение конкурентов, стремящихся урвать свою долю добычи.

Не удержавшись, я спросил у мистера Зубейра, каковы ожидаемые естественные потери по пути к побережью. Про-

думав, он ответил, что надеется на благополучное прибытие трех четвертей груза, если аллах не нашлет эпидемии или разбойников.

Итак, каждый четвертый невольник заранее списывается в убыток. Несколько сот людей, пока еще живых и здоровых.

Комментировать здесь нечего.

Свою малолетнюю наложницу Зубейр тоже отправляет с караваном, причем на общих основаниях, в колодках и с веревкой на шее. Кажется, я преувеличил его мягкосердечие.

Не желая наблюдать за приготовлениями и отбытием несчастных, мы с Мбомо посвятили время осмотру селения. Оно мало чем отличается от уже виденных (те же улицы в красной пыли, те же круглые островерхие хижины с крышами, похожими на китайские шляпы), разве что несколько больше и богаче. Неудивительно, ибо здесь находится резиденция здешнего «рундо», то есть, старшего вождя, которому подчинены вожди всех окрестных селений. Именно в этом причина нашей задержки: мистер Зубейр ведет долгие беседы с рундо и его советом. Подозреваю, что поводом является все та же грядущая война.

Здешний базар весьма обилен товарами, как местными, так и привозными. Европейских нет, но очень многое явно доставлено из долины Замбези. Немало домашней птицы, сахарного тростника, риса, мапиры (вид проса), кукурузы. Предлагался, хотя и дорого, табак.

Тканей и украшений также много. Среди прочего, я уви-

дел небольшой коврик с аппликацией, изображающей, если верить мастеру, зверя Керит. Сам мастер его не видел, посету представил в виде большой гиены с огромными когтями.

Коврик я приобрел исключительно для коллекции. Он свидетельствует лишь о фантазии туземцев, хотя наличие больших когтей у зверя подмечено верно. Однако, уже уходя с базара, мы с Мбомо наткнулись на нечто более ценное: странного вида щит, украшенный бронзовыми бляхами. На бляхах был представлен все тот же Керит, но совсем иначе. Длинная морда и характерные уши делают его похожим на барсука.

Такие бляхи я уже видел. По уверениям торговцев они привезены из страны Миомбо-Керит. Неведомый науке зверь является, якобы, тамошним тотемом, давшим земле имя.

Боюсь загадывать, но, кажется, страна Миомбо-Керит столь же реальна, как и давшее ей имя чудище. Если это так, то... Нет, пока еще не решусь делать выводы.

Следует отметить еще нечто, связанное с миром зверей, хоть и не столь редкое. Я имею в виду местных собак. Наряду с обычными в здешних краях остроухими псами, мы увидел других, тоже знакомых, но здесь пока еще не встреченных. Речь идет о львиной собаке, которую держат готтентоты. Приходилось слышать, что она распространена далеко на север, причем очень ценится в качестве сторожа и охотника. Видимо, так оно и есть.

Особенностью данной породы является гребень на спине, образуемый из волос, растущих против основной шерсти. Этот гребень, именуемый часто «ридж», у настоящей львиной собаки должен четко выделяться, сужаться к крупу и быть симметричным. Начинается он позади холки, продолжается до самого хвоста и содержит два идентичных завитка, расположенных друг против друга.

Мбомо твердо решил купить такую собаку в ожидании трудностей дальнейшего путешествия. Приобрести он думает не щенка, а молодого пса, дабы сразу же получить верного помощника. На мои замечания по поводу трудностей дрессировки фактически взрослого животного, он лишь смеется. По его мнению, европейцы (племя, как известно, дикое и подверженное предрассудкам) лишь портят животных своей «дрессировкой». С животными следует дружить, тогда они ответят тем же.

Поглядим!

Разговор о предрассудках диких европейцев стал поводом для серьезной беседы по поводу нашего маршрута. Мбомо откровенно высказался насчет моего здоровья. Увы, возразить нечего. Даже если лихорадка каким-то чудом меня пощадит, сил все равно остается слишком мало. Африка – пока еще злая мачеха для белых людей. Болезни, незнакомые европейцам, не самое опасное, равно как змеи и насекомые. Не менее вреден, как ни странно, здешний хлеб. Крупный помол делает его настоящей отравой для непривычного желуд-

ка. Подозреваю, что африканская вода для белых людей тоже не слишком полезна, и даже воздух распространяет смертоносные миазмы.

Жить в Африке европейцы не могут. Однако, живут, торгуют, путешествуют, обманывают и убивают ближних своих. Живут – и умирают.

Сами же путешествия по глубинам континента вовсе не так трудны, как может показаться человеку, начитавшемуся «африканских романов». Забавно встречать на их страницах описания подготовки к очередному походу за алмазами или золотом. Ежели героев и вправду снарядить подобным образом, то их появление где-нибудь у Замбези будет подобно высадке в Портсмуте толпы голых негров, которые, поставив на головы тяжелые корзины, с пением песен направятся, ориентируясь по звездам, строго на север, разбивая по дорожки бивуаки и пугая полицейских и лесников. «Господа! Не лучше ли вам сесть на поезд?» – неизбежно поинтересуется у этих дикарей кто-либо сердобольный.

Дикари-белые ведут себя в Африке не умнее. Но это – отдельная тема.

Беспокойство мое о пропавшем куда-то Даймоне исчезло лишь с его появлением ровно в пять часов пополудни, если верить моему хронометру. Будь я англичанином, непременно пил бы в это время чай. Но вместо чая мы с моим Даймоном угощались (вот совпадение!) кофе. Между прочим, его сорт именуется не «кофе Якова», а именно «Якобс», как имя

собственное. В мире духов свои традиции.

Вероятно, я был не слишком сдержан, сразу же начав расспрашивать о самочувствии и делах. Надеюсь, Даймон меня извинит, ибо я и в самом деле волновался за моего навязчивого духа. Его дела, как я понял, благоприятны, если не считать неприятностей с дочерью. Я осмелился узнать причину. Ответ меня поразил: юная девица поступила волонтером в некое войско (!!!) и всерьез увлеклась германской культурой. Если первое и в самом деле чудовищно, то в достижениях немецкой цивилизации не вижу ничего плохого, если, конечно, не считать Фейербаха.

Даймон не без грусти заметил, что мне его заботы до конца не понять. «К счастью», – добавил он.

Изрядно раззадоренный (что у них там, за Ахероном, происходит?!), я потребовал от Даймона, дабы он, не пускаясь в абстракции, описал то, что видит из окна. Даймон охотно удовлетворил мое любопытство, причем не без некоторого злорадства. Не зря! Теперь мне остается размышлять над тем, что такое «гараж» и «электрический фонарь». Неужто в мире ином электричество применяется для освещения?

«Бомджи» у духов (если я верно расслышал это жуткое слово) – то же, что в Париже «клошары». Видимо, их грехи особо тягостны.

Уже без всяких шуток Даймон подробно расспросил меня о здоровье. Не иначе, они с Мбомо сговорились.

Дорожка 5. «RussianDance».

Автор и исполнитель – Том Вейтс (Tom Waits). (3`14).

Полная психоделия. Большие трех раз подряд слушать не рекомендуется. Более двадцати – тем более.

Вышел Алеша из родного университета, налево посмотрел. Налево – это к Варе, полчаса ходу, если не спешить. Только идти незачем. Варя на работе, и не звала. Позовет ли?

Направо посмотрел, где станция метро. В комнатуху, к старому компьютеру? Оно бы надо – курсовую отполировать. По дороге крикунов-агитаторов послушать можно, вдруг потешат чем-нибудь? «Подпольный обком товарища Севера действует». Или даже: «Север – последняя надежда нации»?

Алеша вздохнул, привычно сунул руки в карманы. Опять перчатки забыл, вот незадача! Ничего о нем не скажут – ни сегодня, ни через сто лет. Не страшно, есть и другие темы. Про «Отечество и Порядок» – или про Десант.

Направо?

По дороге можно в пиццерию заглянуть, не век же пельменями пробавляться. Тем паче стипендия в кармане.

– Привет, Алексей!

Фу ты! Так и напугать можно, причем без всякого труда.

Хорст Die Fahne Noch собственной персоной – в полной десантной форме. Повязка, камуфляж, утепленный кепи, ботинки тяжелые на высокой подошве. Как раз, чтобы по ребрам...

Верно говорят: не поминай!

– Привет, привет!..

Не сам Хорст – с Женей, Женей-Евой. Потому и «привет» два раза. Профессорова дочка тоже вся пятнистая, при повязке и ботинках. С парада, что ли?

– Пойдем, Алексей! Тут недалеко.

Если бы не выгнали Алексея Лебедева из демократов, закричал бы он, народ распугивая: «Похищают! Спасите-помогите!» А теперь чего кричать? Кому он нужен, интеллигент очкастый? Разве что в качестве жилетки, и то ненадолго.

– Пошли...

Направо? Налево? Налево! Екнуло сердце: если площадь миновать и еще чуток пройти, как раз ко входу к телецентр попадешь, где ногами лупят. Покосился Алеша на Хорста, на Еву поглядел. Оба серьезные, мрачные.

...Шагают – и то в ногу!

Спросить? Подумают, будто испугался. Не спросить? Решат, что язык проглотил. От страха.

Площадь уже позади. Впереди... Телецентр впереди, такой знакомый. Ступеньки, истоптанный снег... Пять парней в камуфляже с повязками.

Дернуло Алешу. Не слишком сильно, но чувствительно.

А что если вправду? Недолупили, сейчас продолжат. На том же месте, в тот же час?

Алексей, конечно, виду не подал, даже руки из карманов не вынул, но влажность на ладонях все же почувствовал. Вдруг того хуже: призналась Ева, что по неосторожности лишнее сболтнула демократу? И решили в штабе Десанта лишнее из мозгов его взять – и выбить? Прямо на асфальт, потом подошвами растереть – для верности?

Посмотрел Алеша на Женю-Еву, снова вздохнул. Она сболтнула, он язык распустил. Вот язычок ему и укоротят. Нечего панибратствовать! Не Ева, а «боец Десанта третьего года службы»!

Пришли?

Не выдержал Алексей, оглянулся. Пусто у телецентра – ни прохожих, ни патрульных, только Десант в красе и силе. Значит, сейчас начнется!..

– Все ко мне!

Это Хорст Die Fahne Noch. Началось!

Пятеро в камуфляжи словно ждали. Уже тут, уже строям стоят. Все одинаковые, только у одного – пластырь на щеке. Не иначе, Степан Квитко, гайкой сраженный.

– Внимание!

Алеша и сам чуть по стойке «смирно» не стал – уж больно Хорст-Игорь серьезен. И Женя, и все остальные.

– Алексей! По поручению городского штаба Десанта приношу извинения за случившийся инцидент...

Так и сказал «случившийся инцидент». Моргнул Алеша. Надо же, слова какие!

– ...В провокации ты не виноват. Виноваты мы – поддались. А ты – молодец, все твои бежали, а ты остался, не струсил. Так что – извини!

Сказал – и ладонь к кепи подкинул. Лихо, словно и вправду на параде. Алеше даже завидно стало.

И как ответить? «Вольно» скомандовать?

Алеша, конечно, ответил – как умел. «Ну, да, и мы тоже, и меня тоже, плохо получилось, потому что – и вообще». Приняли как должное. Что с демократа возьмешь?

– Раз-з-зойдись!

Снова Хорст. Голос прямо-таки металлом звенит. В армии наверняка школу сержантов закончил!

Сказал – и разошлись, все и сразу, чуть ли не бегом. Алеша даже расстроился. Хотелось пострадавшего Степана Квитко о здоровье спросить. Неудобно как-то...

– Ну что, Алексей, кофе выпьем? Тут кофейня приличная рядом. Или покрепче чего хочешь?

Посмотрел Алеша на Хорста, потом на Женю-Еву, подумал. Отказаться? Опять-таки неудобно, к нему, считай, полюдски, можно сказать, честь по чести.

– Ага. Только не «покрепче». У меня еще курсовая...

– Понимаешь, Алеша, мы политикой не занимаемся. Десант не для этого создан. Просто друзья нас помочь попросили – на время выборов. Политика не главное, ты же видишь, кто в парламент лезет. Мразь на мрази, противно даже...

Женя говорит, Хорст кофе цедит, уже вторую чашку. Так, видимо, задумано: Игорь парадом командует, Профессорова дочь агитацию ведет.

Кивнул Алексей, спорить не стал. «Друзья нас помочь попросили»! Скажи мне, кто твой друг!..

Законы мы изменим, депутатов посадим...

– Главная цель Десанта – защитить людей. Не только своих, всех. От преступности, от наркомании, от продажных политиков...

– От растленной западной культуры, – Алеша вздохнул, – От дегенеративного искусства, от однополых браков и гамбургеров. Надо сохранить национальную идентичность перед лицом всемирного глобализма...

– А что – не надо? – Хорст, резко очень. – Алексей, ты же все понимаешь. Реально!..

– Понимаю. На третьем курсе проходили. Если строишь концлагерь, сначала отправь туда бомжей. Город чистый, жители радуются. Потом – гомосексуалистов, затем – цыган. А потом – всех подряд.

Поглядел Хорст Die Fahne Noch на Женю-Еву. Поглядела Профессорова дочка на Игоря.

– Ну, вот. Все ты, Алексей, правильно видишь. Вступай в Десант!

* * *

– Уже было! При Гитлере, при Муссолини, при Сталине. И чем кончилось?

– Гитлер ошибся с евреями. Сталин – с крестьянством. Мы это учтем.

– Цыганами обойдетесь? Западный вариант – мерзость, никто не спорит. До нормального парламента нам еще лет пятьсот на полусогнутых. Но что взамен? Концлагеря?

– Взамен – власть для народа и в интересах народа. С максимумом допустимой свободы. Пресса, партии – пожалуйста. Мы будем только поддерживать порядок. Главное – люди. Дети не будут бояться идти в школу, молодые ребята – в армию. Вечером по улицам можно будет гулять!..

– И поезда – по расписанию. Хорст!.. Игорь... Женя! Знаете, что дальше будет? Сначала – драки с милицией, потом бомбы...

– Спятил, Алексей? Какие бомбы?

– А вы у товарища Севера спросите. Который подпольем руководит.

– А-а... А ты откуда о товарище Севере знаешь?!

Дорожка 6. «Эль Хокро- Танго». Исполняет Салонный оркестр. (2`23).

Запись с пластинки фирмы «Сирена Гранд Рекорд» (1903 год). Русско-японская война еще не началась, но Сипягина уже убили.

Человек – сам себе загадка. Оттого и психоанализ придуман, чтобы разъясниться, понимание найти. Только Фрейд, от венских нервных дамочек одурев, все к одной-единственной причине повернул, чем себя и всех прочих еще пуще запутал. Венские дамочки бальзаковского возраста это одно, просто люди – нечто совсем иное. Вдобавок ко всему – подсознание. Очень, знаете, удобно: я – не я, все «оно» проклятое. Сидит внутри – и гадости подсказывает, покоя не дает.

Алексей Лебедев психоанализом не увлекался, даже Фрейда не читал, хоть и полагалось по программе. Открыл как-то сборник, а там статья про Христа. Перелистал – и в сторону отложил. Мерзко! Повезло Фрейду – не дожил, извращенец, ни до Бухенвальда, ни до Кармурлага. Таким там самое место!

Позже Алеша подобных мыслей, конечно же, устыдился, раскаялся даже. Но Фрейда читать не стал, чем прошиб немалую брешь в собственном образовании. Поэтому о при-

чине своих поступков задумывался редко. Решил – значит, решил, чего еще мусолить? Зря, конечно. Очень иногда интересно бывает, отчего человек именно сюда свернул, а не в иную сторону. Тем более, важные решения порой в долю секунды принимаются. Потом год анализируй, все равно не поймешь.

Так и сейчас. Хорст, который Die Fahne Hoch договорить не успел, вопрос полностью задать, а в голове у Алеши все сложилось. Значит, не просто его разыграли, а со смыслом. Знающие люди, видать, постарались. То ли по дурости, то ли подставить решили. Ответил бы он на письмо...

Так значит?

– Я в списке допуска, Игорь.

Специально Хорста не по кличке назвал. Мол, кончились шутки. Если подумать, вправду кончились. Кажется, десантникам про настоящего товарища Севера успели рассказать, причем по большому секрету...

А «список допуска» – удачно. Интригует, но ничего не раскрывает. Мало ли, где какие списки пишут?

– Кто такой Север, ребята? Хорст, Алеша, объясните!

Ева... Вперед подалась, блеснула очками в золотой оправе. Любят девушки тайны почище французских духов. Еле удержался Алексей, чтобы не улыбнуться. Как они меня называли? Либерастом? Будет вам либераст!

– Ну-у-у... – Хорст. Неуверенно так.

На Алешу посмотрел. Чего ответить, мол? Наверно, под-

писку давал, у них в Десанте все всерьез.

– Список составил координатор, – Алексей, в сторону глядя. – Начальные буквы псевдонима – "Ю" и "В".

Теперь можно на Игоря-Хорста взгляд перевести. Если того в тайну посвятили, значит, и о загадочном «Юго-Востоке» поведали. Так?

Так! Кивнул Хорст, крепкий подбородок почесал, хлебнул остывший кофе.

– Женя, извини. Я... Мы с Алексеем не имеем права. "Ю" и "В"... У нас его решили вслух Юрием Владимировичем называть. Почти Андропов! А товарища Севера – Семеном. Ты, Алексей, тоже, когда при посторонних будешь поминать...

– Кто здесь посторонний? Я?!

Грозно сверкнули очки. Не выдержал Алексей – усмехнулся. Институт Монро, значит? Бинауральный ритм, «Ad astra» Яна Хайза? Думаешь, Ева, ты у бога бороду сжевала?

– Игорь действительно не имеет права, – констатировал. – У него допуск по второй форме.

Про «форму» Алеша вовремя вспомнил. Было такое – при защите «закрытых» диссертаций. Очень удобно, если «форма» первая: ни оппонентов, ни дискуссии. Выходит, люди и так делятся: у кого «форма» вторая, у кого – первая. Кто может товарища Севера помянуть, а кто рылом не вышел.

Правда, Игорь?

Алеша поглядел на Хорста, на Женю-Еву посмотрел. Ре-

шили, значит, отставного демократа подобрать, определить к месту? Вступай Алеша в Десант, мы тебя писарем зачислим и даже бить не будем. Благодетели, понимаешь!

А теперь что скажете?

Говорить, впрочем, никто не пытался. И не надо! Решил Алеша: хватит. Пусть без меня ругаются.

Чашкой пустой по блюдцу стукнул. Встал.

Куртку старую поправил.

– О товарище Севере... О Семене... Будете говорить только со мной. Все вопросы – ко мне. Но только в крайнем случае. В самом крайнем, ясно?

Вышел. Даже прощаться не стал.

* * *

Возле метро – знакомый крикун с мегафоном. И знамя то же – тяжелое, красного бархата. «Отечество и Порядок» на боевом посту.

– ...Вчера мы опубликовали список депутатских привилегий. Обратите внимание, он из двух частей. Жалование министерское, машина, квартира в Киеве – это самой собой. А сколько им проплачивают за каждое голосование!.. Читайте, читайте!..

Рядом двое стараются, листовки раздают. И милиция здесь же. Не вмешивается, слушает.

– Кого бы не выбрали, товарищи, это будет парламент

миллионеров. Для кого он работать будет, как вы думаете, для народа? У половины есть собственность за границей, там, в списке, фамилии, читайте! Дети учатся в Оксфордах и Сорбоннах, жены покупают бриллианты... Читайте, читайте!..

Пожал плечами Алексей: не ново. Сколько уже говорили, сколько печатали. Что толку? Хотя... Вода камень точит.

– А чего смертную казнь отменили? Потому что сами бандиты? Правильно. Но не только. Сами уже на дело не ходят, на них «братва» работает. Вот эту «братву» они и спасают, чтоб не боялись, служили верно. Где в Европе первыми смертную казнь отменили? В Италии. Мафия бессмертна! А мы этих бессмертных – по завету товарища Дзержинского...

Подошел Алеша ближе, взял листовку, сунул в карман куртки. Кричат, обличают – все мимо. Бомбу бы взорвать!..

Подумал – поразился, сам себе не поверил. Второй раз за сегодня – и про бомбу. Что за чушь? Индивидуальный террор – не метод, покушения охранка устраивает, им на истфаке твердо разъяснили.

Позвольте, а почему – индивидуальный? Террор – он разным бывает. Толпа тоже из отдельных индивидуумов состоит. Одна снежника еще не снег, одна дощечка – еще не гроб...

Гадов всегда заливают.

...С хача-начальника начинать нельзя, с его брата тоже. Найдут, не дураки. Но если нельзя выстрелить в лоб, можно

поджечь дом за спиной. Стратегия непрямого удара!..

Поджечь? Или все-таки взорвать?

Взорвать – и поджечь!

* * *

– ...А сегодня в аптеки снова наркотики завезли. Сходите на Костомаровскую, поглядите, совсем рядом. Наркоманов – как на первомайской демонстрации, пройти невозможно. Думаете, милиция не знает? Как же! Вы с утра постойте, поглядите. Прямо в форме приезжают – следить, чтобы «дурь» не украли. Фамилии назвать? Назову – не жалко...

Дорожка 7. «Карл-Маркс-Штадт». Исполняет группа «Мегаполис». (1`58).

Включил не ради каких-либо особых достоинств этой песни («Ландыши, ландыши...»). В Карл-Маркс-Штадте когда-то работал отец – на секретном предприятии «Висмут».

Воскресенье, 10 августа 1851AD. Восход солнца – 7.41, заход – 17.08. Луна – Пфаза, возраст в полдень – 13, 4 дня.

Сегодня, впервые за всю зиму, увидел лед. Ночью изрядно подморозило, земля покрылась инеем, лужи замерзли. Оттаяло только к полудню, когда наш караван наконец-то тронулся в путь.

Я узнал у мистера Зубейра Рахамы, что следующий пункт нашей остановки – большое селение Талачеу. Название это, означающее «Белая гора», весьма меня заинтересовало. Туземцы редко путают, значит, впереди и вправду горы. Этого я и ожидал – именно через горное ущелье, если верить легенде, надлежит попадать в страну Миомбо-Керит.

Рассказы о неведомой стране на севере я долгое время не принимал всерьез. Негры любят плести байки, радуя наивных европейцев. Наше дикое, подверженное суевериям, пле-

мя твердо уверено, что Африка полна тайн и загадок. Сие справедливо в том смысле, что европейцам она почти неизвестна, но люди, живущие тут уже тысячи лет, изучили свою родину вдоль и поперек. Не меньше сделали и арабы – прирожденные купцы и мореходы. Железных дорог в Африке пока еще нет, но вся она покрыта караванными путями, тропами, привычными исхоженными маршрутами. Даже Сахара для туарега не только море песка. Разве что в джунглях Гвинейского берега постороннему человеку делать нечего (так считают сами негры), в остальных же местах достаточно «сесть на поезд» – и добраться до пункта назначения. Надежнее всего, конечно же, большой караван, подобный нашему.

Итак, для аборигенов Африка – вовсе не *terra incognita*. Напрасно герои романов надеются найти здесь нечто невероятное, невиданное, чуть ли не остатки Атлантиды. Да, европейцев ждет еще много интересного (тот же зверь Керит), но африканское Эльдorado нам не увидеть. Его здесь попросту нет.

Рассказы о стране Миомбо-Керит и в самом деле напоминают обычные легенды. Богатая земля, населенная могущественным народом, спрятанная в ущельях далеких гор... Не менее фантастично предание о ее возникновении, в котором присутствуют местные духи, говорящие гиппопотамы (они и указали путь через ущелье) и, конечно, огромные сокровища, хранимые за стенами таинственного города, тамошней столицы.

Долгое время я только отмахивался, слыша подобные байки. Доктор Ливингстон был со мной полностью согласен, даже собирался записать сие предание для своей коллекции местного фольклора. Но постепенно мнение мое стало меняться. Кроме смутных и путаных рассказов, неведомая страна оставила и вполне материальные следы. Но это – отдельный и долгий разговор.

Путешествие наше продолжается почти без происшествий. Почти – ближе к вечеру чья-то рука послала стрелу прямо в носилки мистера Зубейра. Стрелявшего не нашли, даже не разглядели, как следует – он успел скрыться в высокой желтой траве.

Рахама не пострадал. Стрела прошла в нескольких дюймах от его головы.

Теперь охрана настороже. Думаю, однако, покушение не свидетельствует о подготовке к нападению. Враги не стали бы так выдавать себя. Возможно, мистеру Зубейру желал отомстить родственник кого-то из проданных в рабство.

Тем не менее, посты усилены, всюду горят костры. Мбомо проверил и перезарядил наше оружие. Он очень рад, что вовремя купил собаку, которая, по его мнению, защитит нас надежнее ружья Дрейзе. Мбомо назвал пса Чипри, что на родном наречии моего друга означает «быстрый». Я не спорю, хоть пес, на первый взгляд ленив и равнодушен ко всему, что не связано с едой. Жрет он много и жадно и при каждом удобном случае заваливается спать. Разбудить же наше-

го Быстрого весьма непросто.

Что интересно, Мбомо и вправду нашел с ним общий язык. Чипри его слушается. Время от времени мог друг присаживается рядом, и что-то рассказывает псу, шепча чуть ли не в самое ухо. Чипри благосклонно внимает.

Итак, у нас есть сторож, но пока он не нужен. Вокруг не заметно не только людей, но и зверья. Птиц несколько больше. Днем видел маленьких ястребов (*Erytropius vespertinus*), а перед самым закатом прилетела небольшая стая птиц-носорогов (*Buceros cristatus*), дабы устроиться на ночь на высоких деревьях, растущих у дороги. Кто-то из охраны пытался стрелять в них из лука (ружейные заряды приказано беречь), однако без успеха. Это меня весьма порадовало. Птицы-носороги обладают любящим характером и очень привязываются друг к другу. Гибель одного неизбежно погубит всю пару.

Ночью я намерен произвести очередные наблюдения и измерения, благо, небо по-прежнему безоблачно. Делаю это больше для очистки совести – и по давней привычке доводить все до конца. Печально, но завершенная работа мне уже не слишком интересна. По этому поводу вспомнилась притча об узнике, много лет рывшем подкоп из темницы. Когда же труд был окончен, он понял, что вовсе не хочет бежать. Ему не нужна была свобода, просто очень нравилось копать.

Уже после заката сообразил, что, несмотря на воскресный день, ни разу не возблагодарил Творца. С моей стороны это

непростительно, ведь Он весьма терпелив и снисходительно к рабу Своему Ричарду.

Чувствуя явное раскаяние, я поинтересовался у явившегося наконец-то (скучаю!) Даймона о взаимоотношении родственных ему духов с Высшей Силой. Мой Даймон пребывает явно не в аду, но, думаю, и не в Эдеме (гараж! бомджи!). Он весьма удивился, задав встречный вопрос: отчего я принимаю его за духа? Если его, Даймона, нет в моем мире, сие не означает, что он не благоденствует в каком-то ином.

Я постарался уйти от прямого ответа, дабы не смущать собеседника. Отрадно, что, пребывая в мире Ином, он достаточно благополучен. Дантовский Ад, к счастью, обычная фантазия.

По существу же Даймон сообщил следующее:

1. Никто из них, насколько ему ведомо, лично не лицезрел Творца.
2. Мир, в котором он пребывает, конечен и создан в результате некоего «большого взрыва» несколько миллиардов (!!!) лет тому назад.
3. Время в мире духов не только линейно. Оно способно замедляться и ускоряться. Это называется «парадокс Эйнштейна». Духи вплотную подошли к возможности управлять временем (!), в чем им помогают некие «кванты».
4. Духов сейчас более шести с половиной миллиардов. Они уже побывали на Луне, не найдя там ничего интересного. Ныне собираются на Марс. В самом же обиталище духов

порядка нет, случаются войны, эпидемии и прочие беды.

Пока оставляю без комментариев.

Между прочим, по одной обмолвке Даймона, я понял, что у них там сейчас зима. Выходит, Даймон пребывает в Южном полушарии? Или там совсем иная география?

Страны Миомбо-Керит в мире Даймона нет. Он специально сверился по карте.

Дорожка 8. «Як пишов комар до повстанців». Исполняет группа Остапа Стахова. (2`02).

Шуточная песня бойцов Украинской Повстанческой армии. Комар отправляется кусать коммунистов – от рядового гэбиста до члена политбюро. Очень поучительная история.

Ткнул Алеша носком ботинка в снег, поморщился. Мокро! Ни зима, ни весна, одно безобразие. С утра под подошвами хрустит, а к полудню можно вплавь пускаться. И в небе карусель: тучи, солнце, снова тучи. А все оттого, что Америка не подписала Киотский протокол. Вчера с однокурсниками спор вышел. Одни и в протокол верят, думают, озоновые дыры всем бедам причина. Другие и тут происки видят глобализма. Международная мафия ученых-климатологов здорово заработала на этом озоне, протокол же Киотский для одного нужен: промышленность третьего мира придушить, чтобы и не встала.

Алеша вперед поглядел – на огромный бетонный корпус, небо заслонивший. Чепуха в голову лезет. Какая к шуту разница? Есть протокол, нет протокола, все равно под ногами хлюпает. Но и это не беда. Плохо, что никакой уверенности нет. Ни в чем, даже что сейчас делать, куда идти.

Вперед? Обратно? На месте постоять?

К Вариному общежитию Алексей сразу после занятий собрался. Знал – на работе еще она, и не договаривались вроде. Все равно пошел. По дороге в пару знакомых книжных магазинов заглянул, чтобы время убить. Побродил, повздыхал. Доценты с профессорами, что при проклятом застое учились, рассказывают, будто в те годы книг в магазинах вообще не было. Одна «Малая Земля» вкупе с отчетным докладом к очередному партсъезду. Плохо, конечно, только хуже, когда книг интересных – море, а вот денег... Стипендии только на кофе с пельменями хватает и на Интернет чуток остается. Поглядел будущий историк Лебедев на восемь аккуратных томиков «Истории XIX века» знаменитых Лависса и Рамбо, совсем некстати клуб «Черчилль» вспомнил...

К общежитию пришел как раз к окончанию смены. От Вариного завода до знакомого подъезда всего ничего, три минуты ходу. Подождет, встретит...

Подождал, только не встретил. Шел народ – сначала густой толпой, потом по одному, по два, стоял Алеша в стороне, поглядывал внимательно. Пока ожидал, о многом успел подумать. И о том, что синяки с лица почти сошли, только у левого виска темное пятно осталось – на память. И что зря эти дни ни звонил, ни приходил. Мало ли чего Варя сказала! Ей наверняка невесело, а он только о себе думает.

Не только о себе, конечно. И позвонить хотел, и в гости заглянуть, только не решался. А сейчас решился – и что?

Мокрый снег под ногами, серый бетон впереди. Нет Вари! На пятом этаже, ее окна, пустые, темные. Уехала? Сразу же после работы не в общагу – в гости пошла? А куда? Куда – догадаться нетрудно. Значит, пока он снег протаптывает, Варя со своим хачем... Или даже не с ним одним.

А если Варя их тоже «малюнями» называет? «Малю-юня! Мой малюю-ю-юня!»

Ну, мыслишки. Нет, лучше не думать!

Одна надежда оставалась – завернула Варя по пути в магазин или, допустим, в парикмахерскую. Если так, подождать можно.

Поглядел Алеша на часы, затем в небо посмотрел. Снова тучи.

Тоска!

* * *

Дурацкие мысли о бомбах, о «взорвать-поджечь» Алексей из головы выбросил. Рассудил справедливо: подобное лишь от злости и бессилия в голову прийти может. Какой из него, интеллигента очкатого, террорист? С Женей-Евой и Хорстом удачно получилось, но тут случай помог. Кто-то над ним подшутил, а он сообразил, воспользовался. Толку, правда, никакого, разве что приятно. Нечего нацикам нос задирать!

Непонятно одно – кто с ним, с Алексеем, шутить взду-

мал. В Сети всякого народа хватает, любую гадость учудить могут. Но тот, кто письмо за номером 44 прислал был из самых-самых – из тех, кто первую «форму» допуска имеет. Причем к таким делам, что подумать страшно.

Дико все это! Зачем вообще нужно подполье? В стране свобода – хоть на танке по улицам катайся. Может, именно потому? Профессор переворот обещает, чуть не диктатуру, а в этом случае без подполья не обойтись.

Может, обойдется, но, вероятно и какая-нибудь гадость. Вы человек взрослый, учить вас нечего. Только зачем вам влипать во всякое, извините...

О чем-то подобном Женин отец его предупреждал. Не о шутке дурацкой – о том, что его взаправду во что-то втравят.

А если все по-настоящему? И неведомый Юго-Восток, он же Юрий Владимирович, и товарищ Север – Семен для тех, кто без допуска?

А Север – это он, Алексей Николаевич Лебедев!

Алеша вытер холодный пот со лба, поглядел на бетонный корпус, на пустую дорожку. Сколько он ждет? Минут сорок, больше? Ладно, раз делать нечего, можно и мысленный эксперимент поставить. В порядке бреда.

Бросил взгляд Алексей на темные окна Вариной комнаты – и стал пальцы загигать. Допустим, все правда. Кто-то умный всерьез к будущей диктатуре готовится – не чтобы приспособиться, а чтоб изнутри взорвать. Разумно. Настоящее подполье загодя создавать следует. Итак, принимается.

Первый палец.

А почему «товарищем Севером» назначили его, Алексея Лебедева? И еще таким способом? Со способом понятно – чтобы лично не встречаться. Сначала предупредили, потом инструкции подкидывать станут. Значит, второй палец загибать можно. Но прочему он?

Вспомнил Алексей, что им на лекциях рассказывали, плечами пожал. Почему бы и нет? Когда немцы к городу подходили, секретарем подпольного обкома назначали обычного доцента из сельхозинститута. Недолго провоевал, правда.

Третий палец.

Но если так, почему Десант все знает? Невеликая птица Хорст-Игорь, командир взвода, не больше, но и ему про подполье рассказали. Значит, и милиция в курсе, и служба безопасности. Что, простите, за подполье такое? Скоро по телевизору объявят, по всем каналам сразу.

Поднял Алеша правую руку с тремя загнутыми пальцами, подумал, сунул в карман. Нет, не выходит! Поежился от холода, в небо поглядел...

А почему он сразу о бомбах подумал? Не о листовках, не о красном флаге над фабричной трубой? Взорвать, поджечь – почему?

Где же Варя?!

Тетка на проходной его сразу узнала, даже паспорт не стала забирать. Но и не порадовала: не приходила Варя. Если хочешь, сбегай, убедись. Она сейчас поздно приходит ста-

ла...

Сбегал Алеша на пятый этаж, в дверь, белой краской окрашенную, постучал. Подождал.

Убедился.

На улицу вышел, шарф на горле поправил...

А тут телефон голос подал – тот, что в кармане куртки.

* * *

– Алеша? Ты куда пропал? Не звонишь, не появляешься!

– Женя? Ева? Так я даже твоего номера...

– Слушай! Ты мне pomoжeшь опыт поставить? Отец уехал, нам никто не помешает...

– Опыт?! В смысле... С наушниками?

– Да!

Дорожка 9. «Ovo je muski svet» («This Is a Man`s World»)". Эмир Кустурицаи «The No Smoking Orchestra».(6`27).

Из саундтрека к фильму «Жизнь как чудо». Самая удачная вещь, можно слушать бесконечное число раз. Не надо-едает

К аквариуму Алеша подходил не без опаски. Что воды в нем нет, он еще в первый же вечер понял, когда с Профессором знакомился. Окно в большой комнате, на окне – три кактуса, рядом столик под лампой. А там аквариум, посреди столика. Пустой – в смысле без воды. Что-то в нем определено есть среди камней и ракушек...

Может, черепаха?

– Только руку не засовывай!

Женя-Ева сзади, советы подает. Вздохнул Алеша. Уже не рад, что спросил. Просто так, ради разговора. Ева улыбнулась, наивно так: сам, мол, погляди.

...Или ящерица? Какой-нибудь эублефар или игуана?

Про аквариум Алексей первым делом спросил, когда в квартиру вошли и тапочки надели. Ева его в большую комнату провела, кофе предложила...

Хотел про Игоря-Хорста или даже про Профессора, только язык не повернулся. А тут взгляд за аквариум зацепился. В первый раз не до него было, второй, когда про опыты Мопр с Жениным отцом беседовали, тоже...

Ой!

Руку Алексей, конечно, совать не собирался. Понял уже – не игуана. Почему-то подумалось о пауке – черном, мохнатом, с крестом на спине.

Не угадал.

– Его зовут Керри, – сообщила Ева, ближе подходя. – То есть, я его так называю, а отец.... Профессор Керитом кличет.

Не паук – скорпион. Тоже хорошо!

– Керит – не из Толкиена. Африканский зверь есть такой – Керит-чимисет. Вроде снежного человека. Сто лет ищут, найти не могут.

Поглядел Алексей Лебедев на скорпиона по имени Керит. Под раковиной-рапаном сидел скорпион: черный с сизым блеском, клешни в полной боевой, хвост с острым жалом подрагивает...

А красивый! На омара немного похож...

– Ему тепло требуется. И копра, раз в три дня подстилку меняем.

Хотел просить Алеша про рацион – не решился. Едва ли мистер Керит вегетарианец. Ну его!

– Когда я маленькой была, отец еще с мамой жил, мы кро-

лика держали. А теперь...

– Ага.

Лучше не усугублять. И так понятно: развелся Профессор, от жены ушел – и завел скорпиона. Скажи мне, кто твой друг...

Алеша взял чашку кофе, нюхнул («Якобс»!), присел в кресло – в то же, что и в прошлый раз. Только теперь перед ним не Профессор, а его дочь. Но тоже в очках.

Копия почти. Раньше и не замечал.

– Давай сразу для ясности, Алеша. С Хорстом мы... мы большие друзья, но он слишком... Отец запретил включать некоторые программы, и Хорст... Игорь не станет мне помогать. А я хочу кое-что проверить. Вначале сама попробую, если что – ты сообразишь.

Алексей только вздохнул. Хорошо, конечно, когда тебя смелым считают. Хорст, пусть он Die Fahne hoch, перед Профессором, видать, робеет.

И нет у него, Хорста, первой «формы» допуска!

Только «если что» – в каком, интересно, смысле?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.